

А. ГЕРБСТМАН

ШАХМАТЫ

из березовой

КОРЫ

А. ГЕРБСТМАН

ШАХМАТЫ
из березовой
КОРЫ

Рассказы о Ленине

КАЗАХСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Художественной Литературы

АЛМА АТА 1960

А. Гербстман — литературовед и педагог — международный мастер спорта по шахматам, призер многих всесоюзных и международных соревнований по шахматной композиции. Им написаны книги: «Театр Бальзака», «Шахматная партия и композиция», «Шахматный этюд в СССР», «Современный шахматный этюд», «Падение черного короля», «Рассказы о белом слоне». Некоторые из них переведены на иностранные языки и изданы за рубежом.

Шахматы ему —
они вождям
полезней.
И от шахмат
перейдя
к врагу натурой,
в люди
выведа
вчерашних пешек строй,
становил
рабочей — человеческой диктатурой
над тюремной
капиталовой турой.

В. Маяковский. «Владимир Ильич Ленин»

ИГРА, А НЕ ДЕЛО!

Первый учитель

Это, несомненно, были игрушки, вроде деревянных солдатиков, но трогать их мальчику не разрешалось, и играли ими взрослые.

Мать говорила:

— Эти шахматы папа сам на токарном станке выточил, еще когда служил учителем в Нижнем. Не бери их, сынок, а то сломаешь или потеряешь.

— А Мите можно? — с затаенной тревогой спрашивал Володя.

— И Мите нельзя, но он еще маленький — поиграет и успокоится.

Запретный плод особенно сладок, — Володю шахматы привлекали все больше и больше, сперва своим внешним видом — такие интересные лошадки, башенки и разные другие фигурки, желтые и коричневые, расставляются всегда в одном и том же порядке на доске с аккуратными белыми и черными квадратиками. Когда отец вернется со службы домой и проверит сделанные Сашей уроки, они усаживаются друг против друга и портят стройное расположение фигурок, передвигают их по доске, снимают с доски, укладывают в особый ящик с двумя отделениями, — Володя заметил: одно — для желтых, другое — для коричневых. Иногда, к великой радости мальчика, дают и ему фигурку.

Володя уже знает, кроме лошадок да башен, что вот это — пешка, а иногда ее называют солдатом, хотя у нее нет ни ружья, ни шашки; это — слон, тоже совсем не похож на слона — без хобота и без хвоста; это — королева, а по выражению Саши — ферзь... Самая же главная

фигура в шахматах, из-за которой вся драка идет, но ее брать не положено,— король, рядом с тоненькой королевой он кажется солидным пузатым купчиной; короля Володе даже подержать не дают, его сразу же, как только игра кончится, укладывают в ящик.

Володя любил смотреть, как вечерами, в часы досуга и отдыха, отец и старший брат играли в шахматы.

Наблюдательный мальчик знал уже не только как называются шахматные фигурки, но и как их, каждую по-особенному, передвигают по доске: как бегают слоник — по косым линиям, белым или черным, как тура — по прямой во все стороны, как лошадка проходит словно в бок между фигурами; королева была самой сильной в шахматном мире — она ступала и как слон и как тура; а король, пожалуй, самым слабым — он мог пойти только на один квадратик во все стороны от места стоянки; и вообще король, хоть и самый главный, а был порядком трусоват — все время прятался за пешками и другими фигурами, и только к концу игры, когда на доске оставались одни пешки, рвавшиеся только вперед, чтобы превратиться в королеву, он немного смелел и совершал своей медленной поступью разные вылазки.

Игроки сражались большей частью молча, изредка обмениваясь короткими фразами, не всегда понятными, напоминавшими поговорки: «Тронуту — схожено...», «От шаха не умирают», «Пешку пожалел — ферзя просмотрел». Или произносили не очень страшное слово «шах» и самое страшное — «мат»: если «мат», значит, игре конец; реже звучало «ничья» — и сражению тоже приходил конец..

Когда Володе исполнилось восемь лет, отец наглядно объяснил ему суть игры и предложил сыграть партию, дав вперед королеву. Мальчик, волнуясь и торжествуя, важно сел за шахматный столик, быстро расставил фигурки и решительным движением сделал — впервые в жизни — настоящий ход — королевской пешкой на два квадратика вперед. Сколько ни приходилось ему впоследствии испытывать волнений за шахматной доской и в юности и в зрелом возрасте, он никогда не забывал того ни с чем не сравнимого переживания, когда ему, восьмилетнему ребенку, открылся полный неизвестности новый мир борьбы в пределах шестидесяти четырех квадратов.

Старший брат «весь ушел в химию», как говорила мать, и Володя все чаще заменял его в качестве партнера отца по игре в шахматы. А прежнее место Володи, сбоку у столика, прочно занял четырехлетний Митя и очень радовался, когда отец или Володя давали ему подержать снятую с доски фигуру.

Сперва отец давал сыну вперед ферзя, но вскоре пришлось ограничиться ладьей, а там и на коня перейти. Через два года отец мог дать Володе только пешку и ход, но и при таком соотношении сил он порою лишь с трудом спасался от грозившего ему проигрыша.

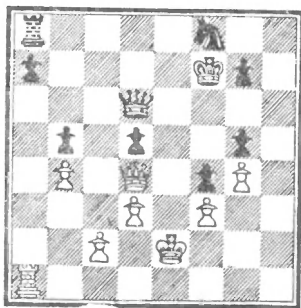
Однажды Саша принес домой только что вышедшее руководство по шахматам, просмотрел его и отдал Володе. Володя внимательно изучил сложную книжку, разыгрывая за шахматной доской приводившиеся в ней дебюты, игры, концовки. Особенно заинтересовали его окончания партий — эндшпили.

В пятнадцать лет Володя впервые победил отца и свел к ничьей партию с Сашей. Началась пора шахматных триумфов, нисколько не мешавших ему успешно учиться.

Однажды поздно вечером Володя, поднимаясь к себе в комнату, расположенную на антресолях, с удивлением увидел у своего стола отца, внимательно рассматривавшего какую-то книгу. Услышав скрип шатких ступенек, отец оглянулся и с виноватой улыбкой сделал шаг навстречу Володе.

— А я тут в ваше шахматное руководство углубился,— сказал он,— не хочу от детей своих отставать, а то еще и дочки начнут меня обыгрывать, и маленький Дим на очереди. Разреши воспользоваться ненадолго, хочу дебюты повторить и с принципами эндшпиля познакомиться.

Прошло несколько дней. Отец пригласил Володю сыграть с ним партию в шахматы. Илья Николаевич ставил коварные ловушки. Володя все время был настороже. В конце концов он добился материального преимущества — получил перевес на коня и пешку. Над трудной позицией отец продумал довольно долго.

— Без фигуры и пешки полагается сдаваться,— сказал он,— но сдаться никогда не поздно. Мне кажется, у меня имеются шансы на ничью.

И он сыграл — I. Л: a7+. Володя, не задумываясь, побил ладью, полагая, что размен фигурами — к его выгоде. Отец взял Володину ладью королевой с шахом, Володя заслонился своей королевой с шахом, пойдя ею на e7. Отец разменялся королевами, и теперь у Володи при равном количестве пешек определился перевес на целого коня. Отец сделал тихий ход — 4.d 4!!, и Володя стал размышлять, каким путем можно было бы его коню проникнуть в стан противника, вторгнуться в тылы, ибо прорваться королю не позволяло расположение пешек. Юный шахматист сделал такую попытку добиться победы: 4... Ке6. 5 с3 Кd8 6. Кpd3 Кb7 7. Кре2 Кd6 8. Кpd3 Кре6 9. Кре2 Ке4! 10. Кpd3! Кf2+ 11. Кре2.

Тут Володя попытался завлечь отца в ловушку и с этой целью сыграл — 11... Кh1! Он рассчитывал на такую возможность: если белые пойдут королем на f1, то после Кg3+, 13. Кре1 Ке4! черные выигрывают. Илья Николаевич хитровато взглянул на сына, слегка улыбнулся — разгадал его коварный замысел,— и ответил — 12. Кpd2!, чтобы в ответ на Ке4 пойти королем с «повторением пройденного» на d3. Тут Володя убедился, что белый король, точно маневрируя, всегда успевал защитить пункты с3 и f3, а вздумай он пожертвовать коня за пешку, игра и в этом случае свелась бы к ничьей, так как черному королю все равно негде было бы прорваться.

Отец торжествовал, заставив сына признать наконец игру ничейной. И все же он сказал ему с явным чувством отцовской гордости:

— Володя, хоть я сегодня и выхитрил ничью, справедливость требует признать, что ты начал побивать меня. Пройдет совсем немного времени, и я как партнер перестану представлять для тебя интерес. Саша уже давно превзошел меня в шахматном искусстве, мне рассказывали, что он однажды вызвался играть сразу три партии, не глядя на доску, и все выиграл. Но он углублен в свои занятия и все реже и реже отдает дань шахматам. Нужно подумать о том, чтобы подыскать тебе достойного противника, играя с которым ты бы смог и дальше расти и развиваться как шахматист.

Илья Николаевич познакомил Володю с сильным

симбирским шахматистом Ильиным. Вскоре, однако, юноша и над ним стал одерживать победы, и это очень радовало его первого учителя.

Тронута — схожено!

Однажды Володя играл со своим двоюродным братом Колей Веретенниковым в самодельные шахматы, высокие и неустойчивые, словно кегли. Коля, игравший невнимательно, снова сделал плохой ход.

— Ты не играешь, а «тыкаешь», — попрекнул друга Володя. — В шахматах интересно преодолевать трудности, а ты... Знаешь что? Чихни покрепче!

— Почему вдруг — чихни? — удивился Коля.

— А вот послушай. Когда мы ехали сюда со станции, я сидел на козлах с ямщиком. Вот он остановил лошадей, достал тавлинку с нюхательным табаком, забил в нос изрядную порцию и давай чихать. — Зачем нюхаете? — спросил я его. — Это, — говорит он, — мозги... — и как чихнет, — мозги прочищает. Если ты такие ходы делаешь, — чихни, может, и у тебя мозги прочистятся.

Коля не успел обидеться, как издали донесся голос Марии Александровны — она просила сына принести воды из колодца.

— Иду! — крикнул Володя.

— Подожди, сделаем еще по ходу, — попросил Коля.

— Если я не буду выполнять маминых поручений, — сказал, вставая, Володя, — то Саша, когда приедет, не станет со мной играть в шахматы.

— Смотри, я делаю ход, — заспешил Коля.

— Так играть нельзя! — крикнул убегающая Володя.

Когда Володя вернулся, его глазам представилась странная картина: Коля обескураженно оглядывался по сторонам, потирая нос, шахматы и доска валялись на земле, откуда-то слышалось сердитое гусиное гоготанье...

Коля смущенно объяснил ничего не понимавшему Володе: раздумывая, почему нельзя было рокировать в короткую сторону, он и не заметил, как к нему подкрался гусак, и не рядовой, а сам вожак гусиного стада, и пребольно ущипнул его за нос. Перепуганный Коля вскочил и опрокинул табуретку...

— Не велика беда, — успокоил товарища Володя. — Я сейчас же восстановлю положение!

Володя водрузил доску на табуретку, заменявшую в Кокушкине шахматный столик, и начал быстро расставлять фигуры, приговаривая: «Глупо сыграешь — позиции не узнаешь».

— Вот и не узнаю! — заупрямился Коля.— Да я и правда не помню, какой ход сделал, о котором ты сказал — «нельзя».

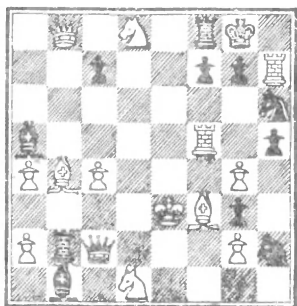
— А вот какой. Ты рокировал в короткую сторону...

— А как ты докажешь, что я именно рокировал, и потом — если действительно рокировал, то почему этого нельзя было делать.

— Докажу путем логических рассуждений, а ведь логика шахмат — это железная логика,— мне папа и Саша объяснили. Взгляни внимательно на положение, подумай и ответь мне на несколько вопросов.— Ты не возражаешь против того, что играл черными?

— Безусловно не возражаю.

— Превосходно. Теперь скажи, какой ход ты мог сделать перед тем, как я убежал за водой? Ни ферзь, ни ладьи, ни слон а5, ни конь h2 двигаться не могли, иначе мой король на предыдущем ходу находился бы под шахом, а это по правилам шахматной игры невоз-

можно; слону b1 и коню h6 неоткуда было попасть на эти поля; пешки c7, f7 и g7 стоят на своих первоначальных полях — они и не двигались вовсе; король не мог пойти на g8 с поля h8, так как последнее находится под ударом моей туры, а ей попасть на h7 было неоткуда.

— Рассуждаешь ты правильно,— прервал друга Коля.— Но как ты докажешь, что черные, то есть я, не ходил пешкой g3 или h5? Я мог побить какую-нибудь белую фигуру на g3 пешкой с h4 или на h5 пешкой с g6, не так ли? Вот и не получится, что последним моим ходом была короткая рокировка!

— Рано торжествуешь, друг,— насмешливо сказал Володя,— шахматная логика еще не исчерпала всех своих возможностей, доводов и доказательств. Откуда черная пешка могла попасть на h5?

— Только с h7.

— Значит, она, дойдя до h5, должна была побить две мои фигуры?

— Совершенно верно.

— Ну, а пешка g3, сколько она должна была взять белых фигур, чтобы дойти до этого поля?

— Пешка g3?— Коля подумал немного,— она могла попасть на это поле с линии «е», значит, побила две фигуры.

— Ты не будешь спорить, что два плюс два составляют четыре?— сыронизировал Володя.— Итак, черные пешки совершили четыре взятия. А сосчитай-ка, сколько на доске у меня фигур.

— Тринадцать,— сказал Коля.

— Ты великий математик,— улыбнулся Володя,— и для тебя, разумеется, не составит труда сложить четыре и тринадцать, ну-ка понатужься, сообрази.

— Перестань подшучивать надо мною, Володя. Иначе...

— Да нет, ты сообрази другое: получается семнадцать, семнадцать фигур было у белых, а ведь в самом полном комплекте в наше время их больше шестнадцати не бывает. Значит, последний твой ход был сделан не пешками.

— Я и не думал, что пешка попала на g3 с линии «е», я сказал, что с линии «h»...

— Но ведь она могла попасть на h4 только с e7, взяв по пути три фигуры да еще одну на g3! Итого четыре,— четыре да тринадцать...

— Довольно доказывать, я и сам вижу, что мой последний ход заключался в короткой рокировке. Но скажи, пожалуйста, почему я не мог так играть?

— А потому, что поле, через которое проходит король при рокировке, находится под ударом моего слона b4, следовательно, по правилам рокировка недопустима. Поэтому верни короля и туру на свои места и изволь пойти королем...

— Как это так — верни ход?— искренне возмущился Коля,— да разве не ты сам меня учил — «тронуто — схожено», взялся за фигуру — ходи ею, поставил ее на место, оторвал от нее руку — кончено, ход сделан, брать назад нельзя, а сейчас говоришь — верни короля и туру на

прежние места, значит — возьми ход обратно... Не стану я этого делать!

— Ты глубоко заблуждаешься, Коля. Правило «тронуто — схожено, сыграно — кончено» относится к правильным ходам, а ты сделал ход не по правилам — при рокировке твой король перемахнул через поле, находящееся под ударом. Ты должен заменить неправильный ход правильным. А так как ты схватился, желая рокировать, за короля, то и должен пойти королём.

Коле нечего было возразить на столь веские доводы, — он поставил короля и ладью на свои места и пошел королем на d7, после чего Володя объявил ему, к великому его огорчению, мат в один ход слоном на с6.

— Ничего, — сказал Коля, огорченный проигрышем, — я отомщу тебе за бильярдом, там уж я разобью тебя в пух и прах!

— С удовольствием сыграю с тобой в бильярд и рад буду, если ты победишь, ведь поражение лучше учит, чем победа. Ну, а в шахматы тебе нужно еще подучиться, я не люблю легких побед, без борьбы играть неинтересно...

Железная клетка Тамерлана

Вечерело. Со стороны Красной аллеи, названной так по румяному ветвистому боярышнику, раздавались веселые детские голоса. Ребята, собравшиеся со всей Московской улицы, бегали по саду: играли в «пленника» и в лапту. Три стройные вишни близ беседки, в которой летом чаевничала семья Ульяновых, сгибались под тяжестью щедрого изобилия темнокрасных ягод. Вишни не разрешалось срывать до двадцатого июля, дня рождения отца, — так велось из года в год; семейная традиция соблюдалась и в этом году, точно тяжелого горя и не стряслось...

Семья после смерти Ильи Николаевича разместилась в половине дома, обращенного к Свияге, небольшой речке, протекавшей верстах в двух от усадьбы. Другую половину снимал у Ульяновых присяжный поверенный Багряновский. Дом был сумрачен и молчалив, и только одно окно, с металлической сеткой, светилось. В нем виднелись два силуэта, застывшие в напряженной позе над столом: один — словно собранный в комок, маленький, крупноголовый, другой — повыше, стройнее...

Партия шахматного матча, который вели между собою братья Александр, приехавший из столицы в родной Симбирск на каникулы, и Владимир, подходила к концу. Двенадцатилетний Митя, вздумавший было наблюдать за ходом игры, давно уже убежал в сад: слишком скучно играли братья — фигуры передвигают без споров, делают к тому же совсем непонятные ходы...

— Признаю себя побежденным,— спокойно сказал Александр,— ты, Володя, играл сегодня вдумчиво, тонко, я не смог вовремя разгадать твоего плана.

— Счет матча семь — три в твою пользу,— поспешил напомнить Владимир, обрадованный похвалой старшего брата, который с детских лет являлся для него непререкаемым авторитетом и лучшим образцом во всем.

— Когда я сажусь за шахматы и беру их в руки,— грустно произнес Александр,— так живо вспоминаю отца... Ведь это его работа,— он указал на фигурки,— я рад, что они так хорошо у тебя сохраняются...

Заметив, что лицо брата при упоминании о смерти отца помрачнело, Александр перевел разговор на другое.

— В восьмом классе ты совсем не сможешь заниматься шахматами: ни времени, ни сил не хватит, когда будешь готовиться к экзаменам на аттестат зрелости.

— При нынешней постановке обучения в гимназии — хватит,— убежденно возразил Владимир.— Вечной зубрежкой и «отсюда и досюда» сыт по самое горло! Знаешь, перед каникулами у меня произошла стычка с директором Керенским,— он преподает в седьмом классе логику. Спрашивает он меня, почему я так вяло отвечаю урок; я ему говорю, что учебник логики не способствует развитию правильного мышления, напротив, только задерживает и туманит его, а он как вспыхнет да закричит: «Не позволю порочить учебники, одобренные Министерством просвещения!» — И представь себе — снизил отметку, хоть я и отвечал в точности «отсюда и досюда». Наверное, четверка и в аттестат зрелости перейдет... Стараются нам головы задурманить темами вроде: «Заслуги духовенства в смутное время русского государства». Представляешь себе — заслуги духовенства! В гимназическом пансионе учеников кормят гнилью — вор-эконом на здоровье детей наживается. Я подбил ребят протестовать сообща. Сколько надзиратели ни старались запугать их, ничего не вышло: в конце концов они

своего добились — теперь чуть ли не на дом директору еду на пробу носят...

— Я вижу, ты переживаешь этап сбрасывания авторитетов, — улыбаясь, заметил Александр, — первый этап пробуждения сознательного отношения к жизни, и винишь во всем гимназию — то, что тебя непосредственно окружает. Это естественно для нашей молодежи, я тоже знал пору стихийного недовольства, пока не понял, что суть не в гимназических порядках — сами порядки эти являются результатом ненормальности существующего строя. Я пришел к такому пониманию благодаря изучению общественных и экономических наук, — Александр положил руку на книгу, Владимир прочел имя автора и название книги, напечатанное готическим шрифтом — Карл Маркс — «Капитал». — Мне стало ясно, — продолжал старший брат, что каждая страна проходит строго определенные фазы развития, — Александр постучал пальцем по переплету, — и неизбежно должна прийти к новой общественной организации. Но за это нужно бороться! Только один путь правилен — путь научной печатной пропаганды. Но в наших условиях этот путь невозможен, мы должны действовать по-иному, чтобы выразить наше недовольство существующим положением... — В обычно тихом, задушевном голосе Александра зазвенели металлические нотки, бледное лицо юноши озарилось глубоким внутренним светом, в больших черных глазах засветилась такая сила, такая несгибаемая воля, что и узкие глаза младшего брата загорелись огнем сочувствия и понимания. — Конечно, террор — это не организованное орудие борьбы, враг еще очень силен, он может нас уничтожить, как Тамерлан уничтожал народы. Но Тамерлана давно уже нет, его именем даже детей перестали пугать, а некогда растоптанные им народы идут своими историческими путями...

Владимир прочел по-немецки:

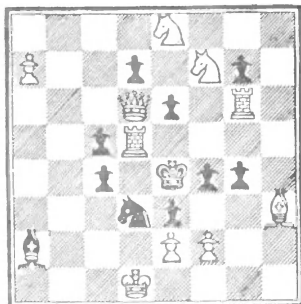
Если мука — путь отрады,
Кто б терзаться ею стал?
Разве жизнью мириады
Тамерлан не растоптал?

— Как хорошо, что ты изучил языки и знаешь Гете в подлиннике, — заметил Александр. — Да, этот самый Тамерлан... — И он снова перевел разговор, чтобы унять

волнение свое и брата. — Хочешь, я покажу тебе, как Тамерлан запирает людей в железную клетку? — спросил он, перебирая шахматы.

— Людей в клетку? — удивился Владимир. — А шахматы тут при чем?

— Сейчас увидишь, — сказал брат, расставляя фигуры на доске. — «Железная клетка Тамерлана» — это название шахматной задачи, составленной известным русским шахматистом середины века Янишем, который после Петрова одновременно с Шумовым отдавал дань изобразительным возможностям шахмат. Впрочем, взгляни — позиция довольно хаотична, клетка с запертым в нее черным королем, олицетворяющим побежденного Тамерланом противника, появится лишь в самом конце решения.

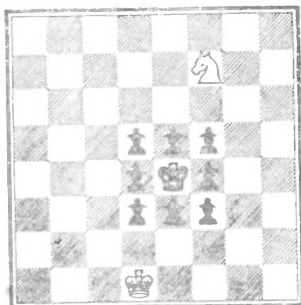

Владимир стал внимательно следить за перемещением фигур на доске, производимым быстрыми движениями запачканных химикатами рук брата: 1. f3+g:f; 2. e:d+c:d; 3. Cf5+e:f; 4. Ld4+c:d; 5. a8Ф+Cd5; 6. Ле6+d:e; 7. C:d5+e:d; 8. Kf6+g:f; 9. Фе5+f:e.

— Теперь, на десятом ходу, когда вражеский король заперт в железную клетку, образованную полным набором выстроенных по квадрату пешек, белые дают ему мат единственной сохранившейся у них фигурой — конем!

— Железная клетка Тамерлана! — прошептал Владимир, взглянув на Александра сверкающими глазами. — Но мы найдем средство ее уничтожить!

У самого окна, за сетчатой решеткой, раздавался жизнерадостный смех. Вот промелькнула шустрая фигурка Мити. Гнавшаяся за ним Лидочка, младшая дочь Багряновского, остановилась, заглянула в комнату и, задорно крикнув: «Сидят, как каторжники за решеткой!», умчалась к садовой беседке.

Братья обменялись понимающими взглядами.

— Железная клетка Тамерлана нас не устршит! — воскликнул Александр, сжимая руку младшего.

— Мы будем бороться и победим! — отвечая брату рукопожатием, уверенно сказал Владимир.

Несколько месяцев спустя, первого марта 1887 года, за участие в подготовке покушения на царя был арестован в Петербурге Александр Ульянов. Он отказался подать прошение о помиловании, и восьмого мая, на двадцать первом году жизни, был казнен.

В ночь на пятое декабря того же года за участие в студенческих волнениях в Казанском университете был арестован Владимир Ульянов и заперт в «железную клетку Тамерлана», а затем выслан в глухую деревушку под негласный надзор полиции.

Игра, а не дело!

Увлекаясь шахматами с детских лет, Владимир Ульянов однако не переоценивал их, никогда ради игры не забывал о деле, об ученье...

После смерти отца он взял на себя обязанность проверять, как готовят уроки младшие.

Однажды Митя учил латинский; герундив, перекрещенный им в «ерундив», никак ему не давался, и Владимир, чтобы облегчить брату запоминание трудной формы, посоветовал запомнить стишок:

Гутта кават ляпидем
Нон ви, сед сѣпе кадендо,
Сик хомо сит доктус
Нон ви, сед мульта студендо.

Митя стишок выучил, но в тонкостях герундива так и не мог разобраться.

— Переведи-ка, что это означает, — потребовал Владимир.

Митя начал было: «Капля... камень», но сбился. Владимир перевел:

Капля камень долбит
Не силой, а частым паденьем,

Так человек становится ученым
Не силой, а многим ученьем.

— Смысл этих слов тебе ясен? — спросил Владимир брата.

— Ясен-то ясен, но я вовсе не хочу стать ученым-латинистом, вроде нашего Федора...

— И напрасно — Федоровский не только прекрасно знает свое дело, он и человек очень хороший. Известно ли тебе, что он после окончания института в Нежине, где когда-то и Гоголь учился, сперва преподавал историю и географию. Преподавал так, что гимназическое начальство обвинило его в свободомыслии, у него отняли эти предметы и разрешили вести только мертвую латынь. Да он и латынь умеет так преподнести, что хочешь не хочешь, а заслушаешься. Недавно рассказывал о Цицероне и Катилине и все намекал, как у нас плохо... Чтение и перевод ты уже приготовил?

— Приготовил... — неуверенно сказал Митя. — Вот: «Жаба и Юпитер»... *Omnes bestiae... habebant regem...* — начал читать он с запинкой: — *quadrupes leonem, aqui — iam aves, soIAe ganae pondum habebant.* Всех зверей имели цари — четвероногого льва...

— Неверно переводишь, — сказал Владимир спокойно, но строго. — Все звери имели царей: четвероногие — льва, птицы — орла, только лягушки никого не имели... Дальше будешь переводить эту рабовладельческую философию сам — по словарю, а сейчас ответь — какая форма «хабебант»?

— И зачем нас в гимназии терзают этой мертвечиной! — с тяжелым вздохом произнес Митя. — Латынь хороша, а греческий и того хлеще...

— Знание древних языков облегчает изучение современных, латынь поможет овладеть французским, а если понадобится, то и итальянским, испанским... Многие европейские языки произошли от латинского, да и мы ему кое-чем обязаны, — возразил старший брат.

— Нет, уж лучше вместо этих древностей в гимназии ввели бы шахматы для упражнения мозга...

— Ну, этим ты поправишься, как говорится, из кулька да в рогожку, — не надо забывать, что шахматы все-таки только игра, а не дело!

— Если только игра, то отложим немножко проверку и сыграем разок, — не унимался младший.

— Когда уроки приготовишь, проверим все, тогда поговорим,— решительно произнес Владимир, и Митя чуть ли не со слезами на глазах уткнулся в книгу и забормотал себе под нос: «Омнес бестиэ хабебант...».

Уже наступили сумерки, когда уроки были приготовлены. Владимир сказал Мите, что он обещал Косте Сердюкову прийти к нему вечером, игру придется перенести на завтрашний вечер, если Митя приготовит уроки не слишком поздно.

Костя Сердюков жил со своей старушкой-матерью в крошечной квартирке, очень скромно обставленной. Владимир любил развитого, умного Костю, в последние годы совместного пребывания в Симбирской гимназии их дружба все более и более крепла. Они вместе читали запрещенную литературу, к ним иногда присоединялся их одноклассник Дима Андреев. Костя был слабоват в языках, и Владимир помогал ему.

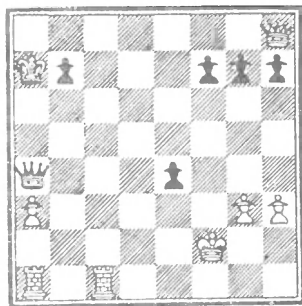
Вот и сегодня Владимир прежде всего взялся за проверку, разобрался ли Костя в материале завтрашнего урока по латыни. Потом и Костя, по просьбе Владимира, проверил своего друга. Прочли вслух, по-очередно, из запрещенной книги «Что делать?» Чернышевского четвертый сон Веры Павловны. Костя пришел в неописуемый восторг, а Владимир задумался и с сомнением заметил:

— Тут описаны результаты, а как их добиться? В этом главное! — Костя не согласился, и друзья заспорили...

Мать позвала ребят к чаю, угостила вкусным домашним вареньем. За чаем Костя и Владимир решили сыграть партию в шахматы. Старушка подносила им стакан за стаканом, а они и не замечали — так увлеклись игрой.

В момент, когда Косте, игравшему черными, казалось бы, оставалось только сдать, ибо шах ферзем на d4 ничьей не давал,— появился Дима Андреев.

— Морфи и Стейницу — привет! — воскликнул он и удивился, что игроки не ответили на его шахматное приветствие,— Филидор и Цукерторт, что вы сидите, как сычи!?

— Здравствуй, Дима,— сказал Владимир,— не мешай нам играть, посиди пока.

— Попей чайку с маминым печеньем,— предложил Костя,— чудесное!

Но Дима не любил сидеть молча.

— Я сейчас встретил Петра Дорохова,— сообщил он,— Петя решил перебраться на житье в Большие Ключищи и там фельдшерствовать,— в общем, «хождение в народ».

Дима и Костя были горячими поборниками «хождения в народ», а Владимир — решительным противником, как он говорил, «предсмертных потуг вырождающегося народничества». И Владимир начал возражать, оттолкнув шахматы в сторону, а Дима своими репликами еще более подзадоривал друга.

Володя выпрямился во весь свой рост, задористо закинул голову, отчего стал казаться значительно выше чем был в действительности, решительным движением сгреб фигурки с доски, что ничуть не огорчило стоявшего на проигрыш Костю, и вескими доводами разбивал все утверждения друзей.

Старушка принесла еще чаю, но стаканы оставались нетронутыми; шахматы в беспорядке валялись на столе. Она с опаской взглянула на спорщиков, но, поняв, что они не перессорятся — это, по выражению сына, «идейные споры» — ушла в другую комнату.

У Димы и Кости больше не оставалось доводов в защиту «хождения в народ»; победитель, сверкая глазами, выжидательно поглядывал на друзей, нехотя признавших молчанием свое поражение.

— Хочешь, я восстановлю игру? — обратился Владимир к Косте. — Нет, не стоит, — продолжал он, — слишком поздно, твоей маме давно отдыхать пора. Пойдем, Дима, я провожу тебя до пансиона.

Владимир и Дима расцеловались с Костиной матерью — она очень любила товарищей своего единственного сына, хоть и не всегда понимала их горячие споры.

Ночь была тихая, лунная, жесткий снег хрустел под ногами.

— Володя, тебе совсем не по пути, — остановил друга Дима, — а завтра подниматься чуть свет: шел бы домой...

— Нет, я непременно тебя провожу, — запротестовал

Владимир,— в этих местах, случается, ночью пошаливают...

— Хорошо жить,— сказал, вдыхая полной грудью колючий морозный воздух, Дима.

— Хорошо жить и — бороться! — добавил Владимир.

Дойдя до высоких белых стен Спасского женского монастыря, Владимир остановился.

— Вот куда люди бегут, и, случается, по доброй воле, от жизни и хоронят себя заживо! — произнес он задумчиво. — Хороша, верно, их доля, если они могут найти утешение в монастырской тюрьме!..

Долго стояли юноши у стен монастыря и рассуждали про горькую участь многих обездоленных, думали, как положить конец произволу...

В памяти Димы Андреева надолго сохранилось воспоминание о зимней морозной ночи, о высоких монастырских стенах, залитых зеленоватым сиянием, о разговорах двух гимназистов, мечтавших о равноправии женщин у ворот женского монастыря.

На следующий день латинист Федоровский вызвал своего любимого ученика Владимира Ульянова отвечать урок по Цицерону.

Стоя посреди класса, Владимир вдохновенно декламировал по-латыни речь знаменитого оратора против Катилины: «Доколе будешь ты злоупотреблять, Катилина, нашим терпением?!».

Класс замер, прислушиваясь к знакомым словам, которые Ульянов произносил совсем по-новому, вкладывая в них особый смысл, особую жизнь. Дима рассказывал впоследствии: «Резкий мальчишеский голос Володи дрожал на низких нотах, руки были крепко сжаты в кулаки, побледневшее лицо и широко открытые глаза поражали скрытым огнем и силой». Володя весь класс зажег своим вдохновением. Мальчики чувствовали себя римлянами, они слышали речь бессмертного оратора и переживали его слова, которые западали в душу. Учитель, сидя на кафедре, слушал, прикрыв глаза рукой. Пальцы его слегка вздрагивали... Когда юноша кончил, он подошел к нему и крепко обнял. «Спасибо тебе, мальчик», — сказал он ласково и, наклонившись, прошептал: «Ты говорил не только против Катилины, ты говорил

против...». Владимир понимающе взглянул на любимого учителя, прижался к нему, но в этот момент задрезжал звонок, и Федоровский, махнув рукой, вышел из класса.

На перемене Владимир подбежал к Косте:

— Знаешь, Костя, ведь ты мог вчера выкрутиться, и здорово выкрутиться. Помнишь, когда мы прервали игру, у тебя был такой великолепный ход—ферзем на b3,—запомни и проверь дома. Хоть у меня двумя турами больше, но от вечного шаха моему королю удрать некуда! (1. Фd8 Фf3+2. Крe1 Фе3+3. Крd1 Фg1+4. Крd2 Фf2+5. Крc3 Фc5+ и т. д.).

Шахматист Хардин

Год был богат событиями и переживаниями: казнь горячо любимого старшего брата; участие в студенческих волнениях и исключение из Казанского университета; пребывание в ссылке в захолустной деревушке Кокушкино; пристальное, углубленное изучение Маркса... Высокими властями запрещено не только поступить для продолжения образования в один из российских университетов, но и выехать за границу. Одна единственная поправка была оказана Владимиру Ульянову: с осени 1888 года ему разрешено было поселиться в Казани, куда переехала его семья—мать с младшими сестрами и братом, а позднее и старшая сестра Анна Ильинична.

Владимир был погружен в напряженную многообразную работу: он все глубже и глубже овладевал революционной марксистской теорией, выступал в подпольных кружках, которые под его влиянием от идей народничества переходили к марксизму, участвовал в горячих спорах с народниками, читал кружковцам рефераты, готовился к сдаче университетских экзаменов...

Утомившись вконец, он отдыхал—по-своему—действительно, разнообразно: катался на коньках, наслаждался оперой, ходил на лыжах, играл в шахматы...

В Казани он особенно пристрастился к шахматам и не только обыгрывал своих домашних партнеров—брата Митю и жениха сестры—Марка Тимофеевича Елизарова, страстного шахматиста, но и успешно пробовал свои силы в игре вслепую, впрочем без особого увлечения,—ведь игра, не глядя на доску, требовала

большого напряжения умственных сил и необходимого отдыха не давала; нередко посещал клуб, где шахматы были в почете, и там прослыл одним из сильнейших игроков.

Однажды Марк Тимофеевич сказал ему:

— Володя, ты как шахматист растешь не по дням, а по часам, в нашем кругу тебе давно уже делать нечего, да и в клубе ты всех победил... Не хочешь ли встретиться с одним из сильнейших наших игроков и в единоборстве с ним попытать свои силы? Я знаком с замечательным человеком и прекрасным шахматистом, успешно сражавшимся с лучшими русскими игроками. Правда, он живет в Самаре, но почта поможет. Могу тебя познакомить с ним заочно, и он не откажется сыграть с тобой партию по переписке. Я имею в виду известного юриста Андрея Николаевича Хардина. Тебе интересно будет узнать, что он в течение почти четверти века был председателем Самарской губернской земской управы, но его отстранили от этой должности за неблагонадежность.

И вот завязалась шахматная переписка между Казанью и Самарой, замелькали туда и обратно открытки с указанием ходов и вариантов, порою весьма запутанных. Владимир совсем забросил своих клубных партнеров — так его заинтересовала заочная партия с Хардиным. В результате длительной борьбы сложилась на-

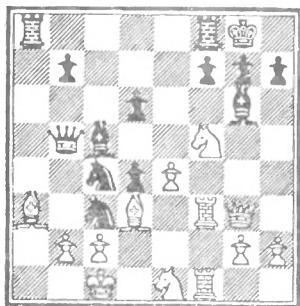
пряженная и обоюдоострая позиция.

— Взгляните на доску, Марк Тимофеевич, я играю белыми — и делаю такой ход — ферзем бью слона!

— Блестящая жертва! — воскликнул старший друг и прибавил с улыбкой: — если, разумеется, она оправдается и принесет победу.

— Покажите и мне, — попросил Митя, ставший заядлым шахматистом. — Володя, объясни, в чем дело?

— Я беру слона Хардина на g6 ферзем, угрожая дать мат на g7; чтобы избежать мата, черным нужно побить моего ферзя; если он возьмет ферзя пешкой f7, то я объявляю мат в три хода — шах конем на e7, забираю ладьи

и все; если мой ферзь будет побит пешкой h7, то после того же шаха конем на e7 ладья матует ходом h3.

— А не смогут ли черные, не приняв жертвы ферзя, нанести удар твоему королю — слишком много у них тут сил скопилось? — заметил Марк Тимофеевич, указывая на ферзевой фланг, куда рокировали белые, — да и линии твои открыты настезь...

— Я думал об этом, — ответил Владимир, — но ничего угрожающего не нашел, — он может объявить несколько шахов, но от шахов, как говорится, не умирают... Впрочем, я еще подумую...

Не найдя форсированного решения за черных, Владимир отправил в Самару открытку с вариантами, вытекающими из жертвы ферзя, и с волнением стал ожидать ответа.

Отрываясь к концу дня от работы, он несколько вечеров подряд расставлял на доске позицию, снова и снова обдумывал ее, испытывал шах конем на a2, убеждался с удовлетворением, что он ничего не дает противнику, и говорил брату: «Интересно, как мой партнер выпутается из создавшегося положения? Я за него до сих пор не нашел удовлетворительного ответа».

На пятый день Владимир встретил почтальона, направлявшегося к Первой горе. Услышав — «вам из Самары...», он выхватил у него открытку, заглянул в нее, побежал к дому, влетел во флигель, где жили Ульяновы, созывая во весь голос своих шахматных друзей и советчиков: «Митя! Марк Тимофеевич! Хардин тоже пожертвовал ферзя!»

Молниеносно были расставлены шахматы. Ход Хардина вызвал сперва недоумение. «Нелепый ход!» — сказал скорый в шахматных выводах Митя. Марк Тимофеевич с улыбкой наблюдал за Владимиром. Тот, не прикасаясь к фигурам, сосредоточенно всматривался в позицию, лицо его выражало растерянность.

— Какие варианты предлагает Андрей Николаевич? — поинтересовался, заглядывая в открытку, Марк Тимофеевич.

— Там нет никаких вариантов, — ответил Владимир. — Указана только жертва ферзя на b2...

После длительного обдумывания Владимир не совсем уверенно произнес: «Кажется, я понял... нашел...» Наморщив свой высокий лоб, он еще с минуту вдумывался в

позицию, затем начал быстро передвигать черные фигуры, шепча: «За жертвой ферзя — жертва ладьи — сильно и красиво!» и наконец радостно, точно одерживая победу, воскликнул: «Так, все ясно. Да, это игрок — чертовская сила! Смотрите, друзья мои, какую замечательную комбинацию он нашел».

Владимир восстановил позицию и продемонстрировал, как черные объявляют белому королю мат в четыре хода: 1... Фb5 : b2+! 2. Ca3 : b2. Ла8—a1+!! 3. Сb2 : a1 Сс5—a3+ 4. Са1—b2 Са3 : b2 мат.

— Хороший урок преподавал мне Андрей Николаевич — не говори гоп, пока не перепрыгнешь! Нужно научиться еще глубже оценивать положение, проникать в самую сущность вещей и в шахматах и в жизни и не быть самоуверенным. Я напишу ему — «благодарю за науку — сдаюсь!»

В скором времени Ульяновы переехали в Самару.

Не без волнения подходил Владимир к строгому подъезду очерченного белыми колоннами небольшого хардинского особняка. Его провели в кабинет, основным украшением которого служили несчетные полки с книгами. Андрей Николаевич сидел за большим письменным столом, глядя в позицию на шахматной доске. Сбоку лежала груда судебных дел. Услышав чьи-то мягкие шаги по ковру, он оторвался от доски, пристально всматриваясь в посетителя. Вошедший остановился в нескольких шагах от стола и поклонился. Это был молодой человек небольшого роста, ладно и крепко сложенный, со свежим румяным лицом, с едва пробивавшимися рыжеватыми усиками и бородкой; большой высокий белый лоб был обрамлен слегка вьющимися негустыми в цвет усикам и бородке волосами; глаза вдумчивые, пристальные, казавшиеся прищуренными, может быть, вследствие того, что их разрез был немного раскосым, искрились умом, недюжинной волей и целеустремленностью, на тонких губах играла сдержанная улыбка...

Лицо Хардина озарилось радостью.

— Ульянов! Владимир Ильич! Наконец-то пришлось с вами свидеться! — Он быстро вышел из-за стола, обнял вошедшего, прижал его к сердцу, погладил по голо-

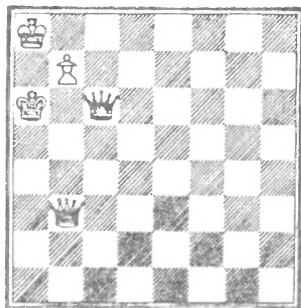
ве...— Сколько переговорить надо! — воскликнул он и, заметив, что взгляд гостя скользнул по шахматной доске, словно виновато, признался: — А я тут о делах позабыл, разбирая удивительно красивый шахматный этюд.

— Шахматный этюд? — неуверенно переспросил Владимир.

— Вы хорошо играете, — сказал, приветливо улыбаясь, Андрей Николаевич, — но знаете ли вы, что в шахматах существует особая область — композиция, шахматная поэзия?

Владимир признался, что он знаком со многими видами шахматного искусства: кроме обычной партии — один на один за доской — игра вслепую, с легкой руки Хардина — игра по переписке, одновременная игра на нескольких досках... Да, он встречал в шахматных отделах некоторых газет задачи, изредка — этюды, но до сих пор не интересовался ими вплотную.

— Что ж, если не откажетесь, мне доставит радость познакомить вас и с этой областью шахматной мысли. Взгляните для начала на такую позицию. — Я получаю иностранную шахматную литературу, — вот эти полки, — Хардин указал широким жестом направо, — выделены для шахмат. На днях я увидел в немецком шахматном журнале «Дейче шахцейтунг» этот этюд, составленный, судя по фамилии, голландцем, Ван Флитом, хоть и живет он в Лондоне, и пришел в неописуемое восхищение.

Поражает само его построение: вы только подумайте — всего лишь пять фигур, и при этом поразительное богатство мысли и красота решения... Садитесь за стол, а я сбоку... да-да, я ведь хозяин, а вы — дорогой гость. Не правда ли, положение кажется ничейным: что может заставить черного ферзя покинуть большую диагональ и освободить пешку от связки? Ход королем? Но тогда черный ферзь или будет шаховать его вечно, или заберет пешку. При связке пешки и перспективе вечного шаха пусть белый ферзь проникнет на a7 с шахом, — и это ничего не дает белым. Казалось бы, кроме того, что при

столь ограниченном количестве фигур красивая комбинация немислима, однако, наперекор видимости, победа достигается именно посредством ошеломляющей комбинации — повторной жертвы ферзя! Смотрите — сперва далеко не очевидный тихий ход — 1. Фb3—b4!

— После которого у черного короля ходов нет, — заметил Владимир, — ферзь же располагает четырьмя полями по большой диагонали — d5, f3, g2 и h1.

— Совершенно правильно, — вот мы и рассмотрим по порядку возможные ходы черного ферзя. Допустим, он пойдет на d5 или f3; на это последует — 2. Фа4+Кр b6 3. Фb3+ — жертва ферзя — помните, как мы друг другу жертвовали ферзей в партии по переписке, поюжившей начало нашему знакомству? — улыбнулся Андрей Николаевич. — Черному ферзю не остается ничего другого, как взять белого наглеца — 3. ...Ф:Ф

— И теперь, — воскликнул юноша, — белая пешка превращается в ферзя, и выигрыш обеспечен!

— Если черный ферзь, — продолжал Хардин, — отступит на g2, то белые сыграют 2. Фа3+...

— ...И затем пожертвуют ферзя на b2 с тем же результатом, — продолжил Владимир.

— Но самый красивый вариант получается при отходе черного ферзя на h1. В этом случае?.. — Хардин умолк, вопросительно глядя в заискрившиеся глаза Владимира.

— В этом случае, — произнес, задумавшись на минуту, молодой человек, — белые играют — 2. Фа3+ Кр b6 3. Фb2+, и если Краб, то 4. Фа2+ Крb6 и еще одна жертва ферзя на b1; если же, стремясь избежать повторения ситуации, черный король отступит на третьем ходу на c7, то... то... — Владимир словно застыл в напряженном раздумье... это длилось лишь несколько секунд. — Нашел! — радостно воскликнул он, — действительно, изумительно красиво: теперь белый ферзь жертвуется на h2!

— Я вижу, вы быстро входите во вкус, мой юный друг, и начинаете осознать своеобразие шахматного этюда, — приветливо заметил Андрей Николаевич. — Позвольте же мне ради первого знакомства преподнести вам любопытную книжицу, сочинение нашего прославленного соотечественника, моего знакомого, умершего лет восемь тому назад, Ильи Степановича Шумова, прекрасного шахматиста и оригинальнейшего проблемиста.

Книга эта — библиографическая редкость, но у меня имеется второй экземпляр.

Владимир прочел: «Собрание скахографических и других шахматных задач, в том числе полный шахматный букварь, шахматы политические, юмористические и фантастические...»

— Мудреное дело,— промолвил он, улыбаясь своей обычной, слегка иронической улыбкой: — я и не подозревал о существовании скахографии, сиречь — изобразительных шахмат...

— Так вы и греческим владеете! — радостно воскликнул Хардин.

Вместо ответа Владимир продекламировал по-гречески первую строку «Илиады» Гомера.

— Превосходно,— заметил Хардин,— Шумовым займетесь в свободное время, для отдыха... А сейчас перейдем к делу!

Выпрямившись во весь свой богатырский рост, Андрей Николаевич подошел вплотную к Владимиру, положил ему на плечи свои большие руки, тряхнул львиной гривой и, глядя на него в упор, произнес медленно и весомо: — Знаете что, Владимир Ильич! Сдавайте экстерном университетский курс юридической премудрости — вы справитесь, я вижу, быстро, а там запишетесь ко мне в помощники... Захотите вести дела — рад буду, но не в этом сила: в должности помощника присяжного поверенного вам легче будет жить и — *работать*, — Хардин произнес это слово замедленно, с многозначительным подчеркиванием. — Да, работать!

Владимир, взволнованный предложением Хардина, которое так соответствовало его собственным желаниям и стремлениям, крепко пожал руку своего нового друга.

«Кругосветка»

— Итак, договорились: завтра на рассвете отправляемся в «кругосветку», — решительно заявил Алексей Павлович Скляренко, потряхивая остроконечной русой бородкой. Он оглядел друзей быстрым взглядом из-под темных пенсне и, как бы подчеркивая окончательность принятого решения, энергично стукнул о камень суковатой палкой, с которой никогда не разлучался. — И все наши кружковцы, как один, не так ли?!

— Не отложить ли до июня? — робко спросил один

из компании и, заметив возмущение на лицах друзей, добавил: — вода большая — грести будет трудно, да и гроза того и гляди нагрянет...

— Товарищ Полежаев! — воскликнул Скляренко, — неужели вам, волжанину как-никак, неизвестно, что только в половодье и можно совершать «кругосветку», грести ни вам, ни даже нам не придется: течение вполне заменит гребцов, и лучше всего вот сейчас отправиться — в начале мая.

— «Люблю грозу в начале мая», — а кто боится, пусть у маменьки за печкой сидит, — сказал, иронически улыбаясь, Владимир Ульянов. — Это будет превосходное «кругосветное» путешествие — для отдыха, изучения, споров, поучения. Кстати, согласится ли наш могокан народничества Викентий Викентьевич Савицкий отправиться с нами? После «повреждения народнических нравов» в Самаре нам, марксистам, мало с кем спорить осталось.

— Значит, решено и подписано — едем! — сказал Иван Александрович Кузнецов, помощник машиниста, возглавлявший, под общим руководством Ульянова и Скляренко, кружок железнодорожных техников. — А лодку где возьмем?

— Я договорился с нашим другом Хан-Гиреем-Антековым, наблюдателем водомерного поста, — он с радостью предоставляет в наше распоряжение свою великолепную «Нимфу» — лучшей лодки, пожалуй, во всей Самаре не найдешь, — сообщил друзьям Владимир. — Для точности, — добавил он, — сбор завтра, восьмого мая, ровно в пять утра на Самолетской пристани, и двинемся «Вниз по матушке по Волге», заедем в Екатериновку за Александром Павловичем Нечаевым, он хоть и кулацкий сынок, но товарищ хороший, обещал припасти нам ружья.

— И ко мне в Царевщину заглянем, — сказал Алексей Александрович Беляков, сельский учитель, активный участник кружка Ульянова-Скляренко, под влиянием Владимира Ильича распрощавшийся, как и другие его члены, с идеями народничества и сейчас погруженный в изучение революционной теории марксизма, — там у нас доморощенные философы протесты против самодержавия по библии да евангелию готовят...

— А сейчас — по домам, — приказал Скляренко, ударя палкой по камню, — собратся в дорогу и основательно отдохнуть, — это необходимо!

Кружковцы проявили дисциплинированность, как и подобало молодым революционерам; не явился лишь один, тот самый, что грозы испугался.

— И без него обойдемся! — сказал Скляренко, отвязывая красивую «Нимфу» от причала и садясь за руль.

«Кругосветка» началась: лодка с пятью путешественниками пустилась вниз, точнее — на восток — по течению великой реки...

Владимир Ульянов и его друзья жадно вдыхали свежий утренний воздух, не переставая восхищаться могучей стихией, стремительно мчавшей слегка курчавившиеся волны. В небе — ни облачка; голубая глубина, спокойная, безветренная, казалось, ласкала покрытые свежезазеленным лесом утесы правобережья. Послушная уверенной руке Алексея Скляренко «Нимфа» без малейшей качки неслась по середине главного русла; к берегу старались не приближаться, чтобы не попасть в один из бесчисленных протоков и не заплыть в тупик, выбираться из которого пришлось бы на веслах встретить течению.

Владимир на корме поднялся во весь рост. Медленно поворачивая голову, он любовался быстрой сменой пейзажей. Энергичным жестом выбросив вперед правую руку со сжатыми в кулак пальцами, он, заглушая гортанным голосом плеск и шум волн, с чувством, как учил его отец в детстве, произнес:

Иных времен, иных картин
Провижу я начало

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков,
Народ неутомимый

Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине

Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

— «И будет вечен бодрый труд...» — задумчиво повгори́л слова поэта Скляренко. А «могикан народничества»

Викентий Викентьевич Савицкий, сочувственно вздохнув, заметил как бы вскользь: «Во времена Некрасова марксистов не было».

— Были,— отрезал Ульянов,— Маркс создал свою гениальную теорию уже в сороковые годы!

— Я имею в виду — в России не было...— пробормотал Савицкий и умолк, зная заранее, что поддержки у собеседников не встретит ни малейшей.

Владимир всматривался в мощный поток все пристальней, все сосредоточенней. Что он видел в нем? Революционный порыв пробужденного народа, разрывающего свои цепи? Могучую силу, которую предстоит подчинить своей воле человеку?

— Друзья! — воскликнул Кузнецов,— здорово мчит нас Волга, вот силы-то! — за три с небольшим часа добрались до Екатериновки.

— А вон и Александр Павлович на берегу платочком нам помахивает,— заметил Беляков.

— Пристаем на короткое время — костер разведем, вскипятим котелок, подкрепимся и — в путь! — скомандовал Скляренко.

Но не тут-то было. Александр Нечаев, студент-медик, учившийся в Казанском университете, уговорил компанию зайти на «минуточку» в дом отца, владельца сельской лавочки,— их, мол, ждет самый легкий завтрак. А там, оказывается, был убран стол на восемь персон, во всю пыхтел огромный медный самовар, возвышаясь своим грузным туловищем над целым морем пирогов, разносолов, печений, варений. Не принять угощения — хозяина с хозяйкой обидеть, ведь от души старались...

— Домашней вишнепочки откусать не откажитесь,— внушительно произнес Нечаев-отец, наклоня над громадной чаркой огромную бутылку с такой густой настоей, что она никак выливаться не хотела.

К огорчению хозяина, собиравшегося щегольнуть пыльным цветом застольных пословиц, вроде «бог троицу любит», «о четырех углах изба строится», гости под предлогом, что по утрам не пьют, от «домашней вишнепочки» отказались дружно и решительно, во всем же остальном кулинарному искусству хозяйки отдали должное.

Пока за столом ели да чаем коричневым запивали, у Владимира Ульянова с Павлом Тимофеевичем Нечаевым завязался интересный разговор.

— Возможно ли ослабить рост бедноты в деревне? — спрашивал Ульянов.

— Ну как ты ее ослабишь? — снисходительно объяснял лавочник. — Ведь вот зелье-то есть, и слабость нашу к нему никуда не денешь, а кроме того пожары, недород, болезни — все к одному. Сегодня пропил узду, завтра лошадь пропьешь, а там недород вывернется — вот и вся недолга. Бедняк в нищие пошел, средственный на его место, а у кого есть капитал и голова — землю приберет к своим рукам да бедняка же, каналья, за хлеб и воду работать на себя заставит. Деревня гуртом беднеет, мало кто в богатей выползает. Все идут в батраки да на фабрику, а в довольстве кто живет — по пальцам пересчитаешь.

Владимир весь превратился в слух и внимание.

— Ну, а если артели образовать? — нарочито громко произнес он и незаметно улыбнулся, увидев, что достиг цели — привлек внимание «могикана народничества», — артелью, говорят некоторые, — тут Савицкий стал слушать еще внимательней, — артелью, мол, можно бедность побороть.

Нечаев раскатисто рассмеялся:

— Артелью бедность побороть — только очень умные скажут. У нас артель хороша, чтобы пяток-другой монахов, сиречь бутылей водки в четверть ведра раздавить. Такая артель работает дружно, и, как правило, работа артельная мордобоем кончается тоже дружным... А для настоящей работы, чтобы из бедности выйти, у нас ныне артель дело неподходящее.

Лицо Савицкого хмурилось все больше, губы передергивались, ему очень хотелось вмешаться в разговор, но он побаивался железной убедительности доводов Ульянова, не один раз испытал он горечь поражения в спорах с ним на подобные темы.

— А не сможет ли помочь беде община? — не унимался Владимир.

— Община? Это повыше чем артель, эта уже не монахами, а ведрами лакает, — для такой выпивки лучше общины ничего не придумаешь. Община и для сбора недоимок с бедноты хороша, для всяких повинностей, а для сурьезной работы, для хозяйства она ни к чему, не помогает. Так-то, милый мой, — закончил Нечаев и ласково хлопал Владимира по коленке.

Предложение старика — погостить у них до утра, познаться с жизнью Екатериновки, чтобы своими глазами убедиться в правоте его слов да покалякать вволю — несмотря на всю его соблазнительность, было отвергнуто: график «кругосветки», строго разработанный Ульяновым и Скляренко, не позволял этого, и хоть солнце палило во всю, а молодая буйная зелень деревенского сада, слегка колыхаясь, обещала отдых и прохладу, экспедиция в двенадцатом часу, точно по расписанию, отбыла из гостеприимной Екатериновки, и красавица «Нимфа» взяла путь на село Переволоки, само название которого говорило о том, что в нем завершается первый этап путешествия.

Присоединившийся к компании Александр Нечаев, умело маневрируя рулем, вывел лодку на стрежень, мощный поток подхватил ее и понес к намеченной цели. Некоторое время плыли молча, но вот Владимир нарушил несколько созерцательное настроение друзей.

— Вот вам и старик Нечаев,— сказал он,— не ученый-экономист, а как хорошо умеет проникать в самую суть вещей. Не мешало бы послушать его Михайловским, Южаковым и иже с ними; ведь в своем коротком разговоре Нечаев показал довольно точную картину расслоения деревни и развития капиталистических форм в ней; пожалуй, его рассказ помог бы им научиться понимать и этот неизбежный процесс и подлинное место артелей и общины в жизни крестьянства, тогда они, быть может, перестали бы болтать о самобытных путях развития России и о социализме мужика.

Савицкий, нахмурившись, пробормотал себе под нос:

— Михайловский и Южаков учиться у кулака не будут.

— Кулак Нечаев видит деревню как облупленную,— возразил Владимир,— и отлично понимает, хоть и в упрощенном виде, весьма сложные процессы ее дифференциации...

Правя рулем, Александр Нечаев иронически поглядывал на заядлого народника. За спорами время шло незаметно.

— Переволоки! — крикнул Беляков,— веди правее!

О перевозке «Нимфы» сухопутьем до речки Усы, по которой предстояло возобновить водные странствия, договорились с крестьянами быстро — благо предложение явно превышало спрос.

Когда пройдя по довольно крутой дороге версту с небольшим, путешественники поднялись на вершину кряжика, служившего водоразделом между Волгой и верховьями Усы, их глазам открылась чудесная панорама: зажатая зелеными холмами река, казавшаяся, по сравнению с могучей соседкой, совсем крошечной, в своем извилистом течении, уходя в слегка затуманенную даль, словно раздвигала горы, неожиданно открывая широкий простор для дальнейших странствий... Недавние споры были забыты под впечатлением контрастов природы, и по примеру Владимира, который бегал, боролся, был застрельщиком в играх — в кошки-мышки, в горелки—молодое веселье стало всеобщим.

Владимир первым сбежал к берегу Усы, за ним не смог угнаться даже длинноногий Нечаев. Оборотившись к горе, подняв голову вверх, Владимир крикнул друзьям, задерживавшимся на спуске:

— Смело, товарищи!..— и в ущелье загремело — «...ищи». — Да тут чудесное эхо! — воскликнул Владимир и прислушался улыбаясь к отзвуку — «...жо-хо!»

— Итак, начнем наш с эхом разговор! — умерил голос Владимир, и издали донесся шепот — «...вор...» — Превосходно! — сказал он — «...сходно».

Один за другим скалолазы присоединялись к Владимиру и включались в разговор с эхом.

— К нам министр приезжал? — спросил Нечаев.

— ...жал! — ответило эхо.

— Наши нужды рассмотрел? — задористо продолжил Скляренко.

— ...ел! — констатировало эхо.

— Как он с нами поступил? — заинтересовался Беляков.

— ...пил! — пояснило эхо.

— Все вопросы разобрал? — крикнул Кузнецов в свой черед.

— ...брал!

— Чем с ним кончен разговор? — смеясь, воскликнул Владимир.

— ...Вор! — категорически подытожило эхо.

— Оно больше насчет «вора», — заметил Владимир, и все заулыбались, кроме Савицкого, еще не пришедшего в себя после поражения в споре.

Вечерело. Солнце пряталось в горы, на реке сгущались

тени, придавая пейзажу фантастический вид. От ночной поездки по Усе решено было отказаться. У самой воды развели костер и неплохо поужинали. Нечаев притащил из ближней деревеньки Комаровки столько соломы, что каждый получил мягкую постель.

Владимир вскочил первый, когда еще не развиднелось.

— Поднимайтесь, робинзоны,— громко крикнул он,— не знаю, как вы, а я никогда не спал так чудесно, как в эту ночь.

Как только разгорелась заря, друзья возобновили «кругосветку», пустившись вниз по течению Усы, к северной части Самарской луки. Быстро сменявшиеся утренние тона, чередование прекрасных картин природы не переставали вызывать чувство радости и восхищения у путешественников.

Уса извивалась среди яркозеленых холмов и тянула лодку вперед, словно желая вывести ее на свободу, на простор. И вот горы раздвинулись, перед путешественниками открылась широкая поляна, обрамленная, дубками и вязами, манившая тенью и прохладой. Здесь и решено было сделать привал, подкрепиться, размять мышцы, поиграть, пострелять в цель...

В беге на дистанцию принял участие даже грузный Савицкий. В борьбе Владимир без труда положил на песок сильного Кузнецова, но не смог долго сопротивляться железной хватке Скляренко. А вот в стрельбе в цель на первом месте оказался Ульянов, а на последнем — Беляков...

— А я еще кое-что припас для отдыха и развлечения,— заявил, хитро улыбаясь и щуря правый глаз, Владимир, запуская руку в свой дорожный мешок. Друзья с интересом наблюдали за его движениями — чем-то он задумал их поразить?

На свет божий появилась шахматная доска.

— Ну нет,— запротестовал Кузнецов.— Все мы любим шахматы, но турнир устраивать у нас ни времени нет, ни, пожалуй, охоты.

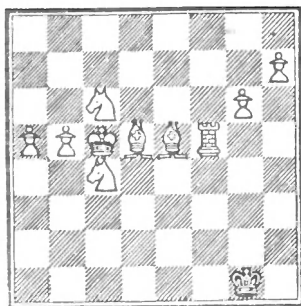
— Да я не собираюсь затевать ни турнира, ни даже простой партии,— успокоил друзей Владимир.— Я хотел вам только показать на доске кое-что интересное. Наш друг и мой грозный партнер Андрей Николаевич Хардин презентовал мне любопытнейший труд знаменитого русского шахматиста Ильи Степановича Шумова и еще кое-

что показал из журналов. Шумов — живописец шахмат: у него рисунок расположения фигур на доске приобретает определенный смысл, идею и нередко увязывается с игрой — процессом решения задачи. Многие его произведения насыщены духом социальной или политической сатиры, бьющей, замечу, по достойной цели. Хотите взглянуть?

Своим рассказом о необычайном шахматисте Владимир заинтересовал компанию, и друзья разместились вокруг него — кто на траве, кто на пеньке, а он начал расставлять фигуры не прекращая пояснений.

— Все вы помните древнее предание о Дамокловом мече. Белые фигуры по форме своего расположения и образуют подобие этого меча, нависшего над головой черного короля. Вот как меч обрушивается на свою жертву: 1. Лf3 Кpg2 2. Ke3+ Кpg1 3. Лf1 мат. Задача помещена как эпиграф ко всему сборнику, и идея ее пояснена неплохими стихами:

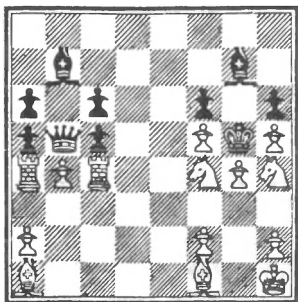

Война! Война! Кто думать мог?
Меч Дамоклеса, как злой рок,
Висит над черным королем.

За что ж мы с ним войну ведем,
За что громим со всех сторон?
Уже ль за то, что черен он?..

К сожалению, большинство войн и ведется потому, что кому-то не по душе цвет кожи другого... А вот, друзья, изобразительная задача на тему, о которой нам с вами постоянно нужно помнить... Сюжет взят у Лермонтова, из его знаменитого стихотворения «Соседка», рисунок на доске получился остроумным и весьма поучительным, — взгляните!

Вы догадываетесь — перед вами две разобщенные тюремные камеры, в одной из них — король в другой — ферзь... Они видят друг друга только сквозь «решетки», они живут надеждой на освобождение, на встречу... Но тюремщики, власти, олицетворенные в белых фигурах, разъединяют их навсегда! Решение не сложно, кто его найдет? Но прежде прослушайте, как художник шахмат приспособил к своему замыслу стихи Лермонтова:

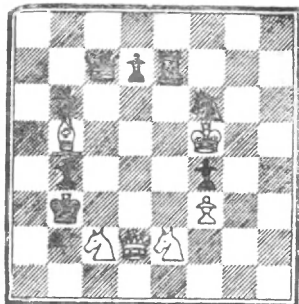
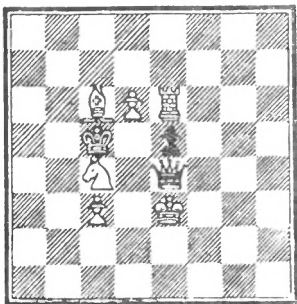
«Не дожидаться мне, видно, свободы,
 А тюремные дни будто годы,
 И окно высоко над землей,
 И у двери стоит часовой!
 Умереть бы уж мне в этой «клетке»,
 В роковой этой клетке «же» пять,
 Кабы милой соседки-брюнетки
 Я не мог под окошком видеть.
 Ах, от мату бы с ней убежать,
 Ведь побегу такие не редки».
 Поблел с этих слов часовой,
 Неохота ему головой
 Заплатить за чужую свободу.
 — Ах, дождусь ли четвертого ходу?
 Он воскликнул: — Вот буду я рад,
 Когда пленнику сделают мат!

— Значит, мат в четыре хода,— задумался Савицкий.

— Кажется, решил,— неуверенно сказал Кузнецов.—
 Дайте-ка, попробую: 1. b4:c5 Фb1 2. Ке6+Кр : h4
 3. g5+Кр : h5 4. Лh4 мат.

— Молодец, Ваня,— похвалил друга Владимир.— А
 теперь следите за узорами фигур, которые будут один за
 другим появляться на доске. Это что?

Владимир продемонстрировал следующие позиции:

— Получилась буква «пе»! — обрадовался Нечаев.

— Задача-шутка,— сказал Владимир: — мат без хода.
 Шахматная шутка допускает иногда нарушение правил
 игры: поверните доску влево на девяносто градусов, и
 черный король будет заматован пешкой без малейшего
 изменения позиции.

— Во всех европейских алфавитах это несомненное
 «О»,— улыбаясь, сказал Склярченко.

— Итак, будем снова учиться, как в детстве, складывать слова,— пошутил Владимир.

Сложил слово Беляков, «п» да «о» — «по» — предлог.

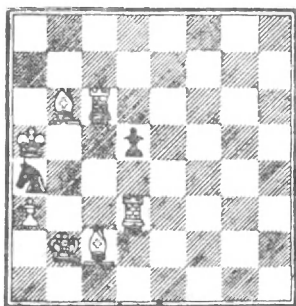
Под быстрой рукой Владимира картина на доске переменялась:

— Явное «у»,— решил Савицкий и, словно ожидая возражений, задорно оглядел наклоненные к доске лица. Но возражений не последовало.

— Это вам не артель и не община,— подшучивая над «могиканом народничества», произнес Владимир,— «у» есть «у»... Мат в один ход. Тоже задача-шутка: на этот раз повернем доску на девяносто градусов влево, белая пешка, попав на восьмую линию, должна превратиться в фигуру, пусть в коня. Конь защитит ладью, и белые могут объявить мат своим чернополюсным слоном.

На доске появился следующий узор.

— Это «эс»,— раздалось несколько голосов.

— Запомните, «эс» а не что иное! — сказал Владимир.— Снова шутка, подобная первой: мат без хода.

— Я решу! — поспешил Савицкий.— Тут нужно вращать на девяносто градусов вправо, пешка попадает на край доски, превращается в ферзя и — мат!

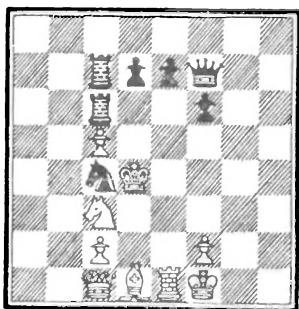
— Блестяще! — воскликнул Владимир.— Вот если бы вы,

Викентий Викентьевич, так же хорошо разбирались и в социально-политических задачах современности, вы присоединились бы к нам без всяких колебаний.

Владимир снова изменил рисунок расположения фигур.

И никто не выразил сомнения, что перед ними буква «Е».

— «У», «Эс» да «Е» — «усе», сделал вывод Нечаев.

— «По Усе!» — выпалил Беляков, — вот что получилось.

— Совершенно верно: «по Усе», вниз по Усе, в «кругосветку», друзья! — весело заявил Владимир. — А решения «О» да «Е»: «О» — мат в четыре хода, а если начинать черным, то в три, «Е» — в пять ходов, чтобы не задерживаться, я вам покажу по возвращении...*

И «кругосветное путешествие» возобновилось. Следующий привал состоялся, когда «Нимфа» достигла места, где Уса впадает в Волгу — в северной части Самарской луки, у подножья знаменитого утеса Степана Разина, одном из самых красивых мест среднего Поволжья. Друзья спели хором ставшую в Поволжье популярной среди революционеров песню о старинном борце против царского гнета, причем молодым голосам сочным баском подтягивал Викентий Викентьевич. С особенным подъемом прозвучал конец песни:

Но зато, если есть на Руси хоть один,
 Кто с корыстью житейской не знался,
 Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
 Кто свободу, как мать дорогую, любил
 И во имя ее подвизался, —
 Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет
 И к нему чутким ухом приляжет,
 И утес-великан все, что думал Степан,
 Все тому смельчаку перескажет.

Напевая последние строки, Владимир прислонился головой к утесу и, казалось, чутким ухом прислушивался к голосам далекого прошлого родины, звучащим из каменной глубины...

Утром пустились снова по течению Волги на восток, к Самаре. Небо хмурилось, ветер крепчал, «беляки» все настойчивей поигрывали на стрелке... Разразилась гроза, гром грохотал, казалось, над самой лодкой, завывал ве-

* Решение «О»: 1. Kc1+Kpb2; 2. Ka3+Фс2; 3. Ф: c2+Kp: a3; 4. Фа2×II,1, Фе5+Kpg6; 2. Фh5+Kp: f6; 3. Лf7×.

Решение «Е»: 1. Ka4 e5; 2. Cf3 Фg6; 3. c3+Kpd3; 4. Фb1+Kpd2; 5. Ле2×; 2... e4; 3. Л: e4+Kpd5; 4. Фd1+Kd2; 5. Ф: d2×.

тер; «Нимфу» стало заливать волной, приходилось ковшом отчерпывать воду. Путешественники заспорили—причаливать ли к берегу или держаться середины реки. Владимир в минуту опасности проявил лучшие качества своего характера: смелость, решительность, волевою целеустремленность. Он выдвигал самые рискованные, но оправданные необходимостью предложения, поддерживал крепость духа в колеблющихся, выполнял трудную работу и за рулем, и с ковшом, и за веслами...

Старались держать путь на Царев Курган. Гроза ослабела, Волга быстро успокоилась. В Царевщине сделали остановку. Здесь командовал Беляков. У Владимира завязался спор с его кружковцами, мечтавшими заменить христианскую религию, в которой они справедливо видели орудие угнетения народа, своей, лучшей верой.

Владимир убедительно и просто доказывал им, что вера складывается в силу обстоятельств истории, что ее нельзя придумать, изменить по воле того или иного человека. «Если веру придумать,— говорил он,— как это сделал наш знаменитый писатель Лев Толстой, то такая «вера» не переделает человеческих отношений, окажется бессильной в жизни, а вот рынок всякую веру для себя приспособит. Наука, история доказывают, что не вера изменяет отношения в обществе, а наоборот, с изменением отношений в обществе изменяется и вера». И Владимир образно показал своим собеседникам, напряженно вслушивавшимся в каждое его слово, так убедительно звучащее в его устах, как на смену первобытным религиозным представлениям пришло в рабовладельческом обществе язычество, многобожие; как феодальное государство использовало с целью угнетения народа христианскую веру и как эта вера вполне подошла, с некоторыми изменениями, и буржуазным временам...

Когда на следующее утро «Нимфа» вновь заскользила по успокоенной волжской волне, Владимир, вспоминая вчерашние беседы с царевскими философами, заметил:

— Вот еще один интереснейший обрывок жизни. Мысль крестьянина ищет выхода из тупика, бьется, забредает в затхлые религиозные закоулки и радуется, когда начинает понимать суть дела...

Через несколько часов, утром одиннадцатого мая, в пятницу, «кругосветка» закончилась там же, где и началась — у Самолетской пристани в Самаре...

НЕБЫВАЛАЯ ПАРТИЯ

Шахматы из березовой коры

В одном из писем к старшей сестре из Шушенского Владимир Ильич писал: «... еще одно забытое поручение. Пришлите мне одну из наших партий шахмат: оказалось, что в Минусинске есть партнеры среди товарищей, и я однажды с большим удовольствием вспомнил старинку. Напрасно я думал, что Восточная Сибирь — такая дикая страна, в которой шахматы не могут понадобиться».

Ленин полагал, что поручение это сможет выполнить Надежда Константиновна, которая собиралась к отъезду в Шушенское. Однако письмо запоздало, Надежда Константиновна приехала без шахмат, в посылках от родных их тоже пока не было...

Что делать? К новому году предстоит поездка в Минусы, там несомненно разыграются серьезные шахматные бои с друзьями, которые соберутся для встречи с Ильичем. Шахматы позарез нужны!

— Вот что я решил, — сказал Ильич однажды в погожий осенний денек Надежде Константиновне: — изготовлю-ка я шахматы сам. Из всех наших домашних шахмат я предпочитал те, что отец на токарном станке выточил. Немало и я в детстве поработал перочинным ножичком, выделывая из мягкой осокоревой коры лодочки для Мянши, для самой маленькой нашей. Тряхну стариной — попробую из березовой коры шахматы вырезать...

Владимир Ильич, чтобы не закоченеть на ветру, завывавшем за околицей, нарядился в зимние брюки и валенки и стал походить на великана из «Мальчика с пальчика». Женька радостно залаяла и помчалась вперед. Навалы навоза, которые на поля не вывозили, а бросали

прямо за селом, были благополучно преодолены. Вот и бор, как с гордостью называют местные жители преплохонький, сильно повырубленный лешишко, в котором даже в самый разгар лета настоящей тени не найти, зато клубники да грибов — раздолье! Сейчас о клубнике и грибах можно было только мечтать, — лесок, наполняя воздух запахом палых листьев, просвечивал насквозь. Пока Женька металась взад и вперед и, воображая себя на охоте, делала ложные стойки, великан из «Мальчика с пальчика» не торопясь орудовал ножом, выбирая березу постарее, у которой кора потолще. Походный мешок, куда он аккуратно укладывал добычу, становился все полнее и полнее.

На обратном пути, спускаясь с песчаного холмика, просшего редким березняком, Владимир Ильич увидел близ слаженного из березовых прутьев шалаша седогопреседого старичка с замшелой почтенной бородой, в рваных онучах и дырявом тулупчике. Перед ним стоял казанок со снедью, но костер, видно, давно уже погас. Ленин попросил у старика разрешения присесть отдохнуть. Тот приветливо закивал головой. Гость отложил в сторону мешок с торчавшей из него березовой корой и поудобнее расположился на пеньке.

Разговорились. Старика звали Сосипатыч. Ему около восьмидесяти. Обиженный на сноху, он выселился сюда, пока погода позволит, а там внучка приедет и к себе заберет.

Старик ни о чем не спрашивал, сам же много знал и помнил и охотно рассказывал. Когда ему было лет пятнадцать, в Шушенское доставили обращенных на поселение трех государевых супостатов. Бунтовали они в Питере — против царя выступили, крестьянству свободу отвоевать хотели, — вот их, хоть и из помещиков они были, наказали каторгой да поселением. Только когда Палкин помер — Сосипатычу уже к сорока близилось, — последнему из троих отбыть отсюда свыше разрешение дадено было. Сосипатыч ему к свадьбе зайцев понастрелял — и руб серебром получил. А дело было так: когда его осудили на каторгу, жена за ним не только что поехала, как иные, а вовсе замуж за другого, с царева наставления, вышла. Вот он здесь и поживи с пяток годов да на Анне Федоровне Соколовой, красавице, дочери казачьего урядника, что из Саянской станицы, и женись. Запоматывал за ста-

ростью, как его звали-то, а ее как сейчас помнит,— и на свадьбе как гулял, без малого шесть десятков лет тому назад. Тут ему еще дом, лучший в Шушенском, отстроили, где сейчас вдова Петрова живет... Мудрено, не порусски и звали-то его.

— Фаленберг, декабрист Фаленберг!— воскликнул Владимир Ильич.

Сосипатыч, хоть и не смог повторить трудной фамилии, утвердительно покачал головой и продолжал рассказывать, что потом стали ссылать сюда не таких важных господ, как вот этот самый, что свадьбу справлял с красавицей урядниковой дочкой, а людей попроще, которые царю, уж не Палкину, а наследнику его, сильно досаждали и наконец прибили его насмерть. Сосипатыч называл их «ходителями в народ», говорил о них с большим уважением, хоть и подшучивал — что вот, мол, «в народ ходили, а мы тужили, лучше не жили».

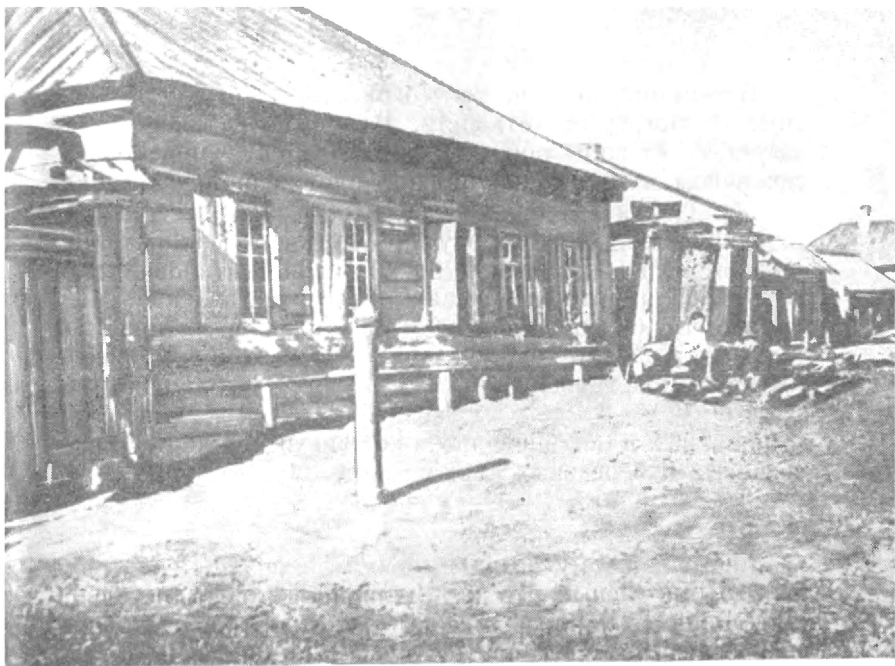
«Вот оно, второе поколение русских революционеров,— подумал Владимир Ильич.— И как это у старика все ладно укладывается...»

Сосипатыч продолжал рассказывать, что у вдовы Петровой — в том самом доме — поселился наемный человек, сосланный царем за то, что за свободу борется, чтобы земля была народная. Трудится круглый день — все читает да пишет...

«Да ведь это он обо мне!— удивился Ленин.— До третьего поколения добрался». Они с Надеждой Константиновной действительно снимали жилье у вдовы Петровой. Дом прежде принадлежал Фаленбергу, герою Отечественной войны 1812 года, участнику всех зарубежных походов русской армии, члену Южного общества, а построен был по проекту декабриста Фролова из Общества соединенных славян...

—...почту, говорят в народе, ему большую носят. Если же кто к нему из народа придет, бросит все, выслушает внимательно, без совета не оставит, бумагу напишет, батраку, бедняку всегда поможет. Раз бык одного здешнего богатея забодал корову маломощной бабы. Волостной суд присудил, чтобы богач уплатил ей несколько рублей, на них не то что коровы, и теленка хорошего не купишь. Потребовала баба отменить решение, и чтобы ей дали копию с дела. А заседатель еще над ней издеваться вздумал: «Что тебе, копию с белой коровы, что ли? А как

Дом в Шушенском, в котором жил В. И. Ленин.

узнал, что она к *тому* за советом да помощью ходила, перетрусил и не только копию дал, но и постарался, чтобы убыток ей по-справедливому возместил богачей. Вот какой у вдовы Петровой постоялец, большая у народа на него надежда...

Владимир Ильич, слушая, конфузился, а Сосипатыч начал из самосада скручивать козью ножку. Ильич протянул ему коробок спичек, но старик отказался воспользоваться ими. Он содрал с подгнившего пня высохший трут — березовую губку, вытащил старинное каменное огниво, с энергией не по возрасту так присек огонь, что искры в изобилии посыпались на трут, воспламенил об него кусок коры, прикурил и заодно стал разжигать костер, приговаривая, что искра зажжет *трут*, трут — кору, кора — дерево.

«Из искры возгорится пламя», — вспомнилась Ильичу бессмертная строка поэта-декабриста...

Сосипатыч предложил отведать хлебца, Ленин отказался, сказал, что недавно подкреплялся и сыт по горло. Встал, попрощался со стариком. Рыжая Женька побежала впереди, пронюхивая дорогу к дому...

Вечерами, когда не то что писать, и читать становилось невозможным от усталости, Владимир Ильич брался вырезать из коры шахматы. Ловко орудуя перочинным ножиком и маленькой пилкой, одолженной у хозяйки, он обращался за советом к Надежде Константиновне, спрашивая ее, какую голову соорудить королю или талию какую сделать королеве. Надежда Константиновна, смеясь, уверяла, что у нее о шахматах представление самое слабое, что она лошадь может со слоном спутать, но все же советы давала храбро, и шахматы выходили удивительные. К новогодней поездке в Минусинск они были готовы вместе с доской, сложенной Ильичем из аккуратно выпиленных и покрашенных в коричневый и желтый цвет сосновых и березовых квадратиков.

Много лет тому назад в шахматном зале Ленинградского Дома ученых, что на Миллионной, то есть на улице Халтурина, случилось мне сыграть однажды довольно интересную партию с партнером весьма преклонного возраста. Представительный старик с красивым моложавым лицом, обрамленным вьющимися седыми волосами, поразил меня разносторонностью своих знаний и интересов. Разговорились. Он оказался политкаторжанином, знал многих выдающихся революционных деятелей.

— Шахматы,— сказал он,— облегчили мне многолетнее пребывание в трудной царской ссылке.

Желая поддержать знакомство, я пригласил его навестить меня и посмотреть шахматную коллекцию, над собиранием которой я трудился около тридцати лет.

Придя ко мне, он с интересом рассматривал мою коллекцию. Его внимание привлекли резные фигуры и доски из слоновой, моржовой и даже мамонтовой кости, из драгоценного черного и красного дерева, из серебра и золота. Он любовался крошечными фигурками, помещавшимися в скорлупе грецкого ореха, и микрошахматами работы знаменитого китайского мастера, которые можно разглядеть лишь при сильном увеличении...

— Ваше сокровище,— заметил он,— имеет не только значительную материальную ценность,— многие из находящихся здесь игр представляют собою произведения искусства,— об историческом и этнографическом их значении я уж и не говорю...

На прощание мой новый знакомец сказал:

— Приходите и вы ко мне взглянуть на мою шахматную коллекцию.— При этих словах он посмотрел на меня многозначительно и, пожалуй, как-то загадочно.

Только тот, кто знает тревожнения и переживания страстного коллекционера-любителя, может себе представить, с каким нетерпением ожидал я назначенного дня.

Наконец, я у него. Он живет один в уютной, скромно обставленной комнатке, вряд ли способной вместить даже самую скромную коллекцию шахматных фигур.

Старик достал из шкафа нечто вроде квадратного подноса и поставил передо мной на столе. Я увидел два комплекта шахмат, находившихся в весьма плачевном состоянии: обе доски почернели и покорежились, фигурки ссохлись и покривились.

Да, несомненно — эти фигуры и доска вылеплены из хлебного мякиша! Мне было известно, что политзаключенные мастерили подобные шахматы, находясь под арестом в царских тюрьмах. Справедливость требует заметить, что фигуры были сделаны слишком шаблонно. Я догадывался, что «хлебные» шахматы скорее всего связаны с биографией самого политкаторжанина.

Из чего же сделаны другие шахматы? Неужели из коры? Да, да, представьте себе, из березовой коры! Сколько труда, настойчивости, силы воли и художественного вкуса вложил в свое творение их создатель! Хоть фигуры и сильно изменились от времени, все же можно было рассмотреть глупую физиономию короля, обрамленную мочалистой бородой, пешки, представлявшие собою крестьян разного возраста и в различных позах, слона с беспомощно повисшим хоботом, тонкую, изящную королеву — ферзя... Резчик, несомненно, обладал не только силой воли и реалистическим художественным чутьем, ему было присуще и чувство юмора.

— Шахматы из мякиша вылезли я,— сказал старый политкаторжанин,— когда был заточен в Бутырки. Там иногда удавалось посредством перестукивания сыграть с друзьями партию — другую... Но все ваше внимание обращено на шахматы из березовой коры... Знаете ли, что эти шахматы, эти шахматы...— Мой хозяин подошел к стеллажу, снял с полки книгу и раскрыл ее на закладке.— Вот, прочтите абзац:

Прочитанное мною место представляло собою выдержку из письма Надежды Константиновны Крупской к Анне Ильинишне Елизаровой. Письмо было написано 22-го ноября 1898 года из села Шушенского, крошечного местечка в далекой Сибири, где Владимир Ильич находился в те годы в ссылке...

И мне стало ясно, что все мои коллекционные сокровища не стоят одной пешки, сохшейся и покривившейся, вырезанной более тридцати лет тому назад Лениным из березовой коры.

С тех пор я перестал коллекционировать шахматы.

Сражение в Минусах

К встрече нового 1899 года в Минусинск к Глебу Максимилиановичу Кржижановскому и Василию Васильевичу Старкову, которого друзья обычно называли Базиль, съехался почти весь округ: тут были и Владимир Ильич с Надеждой Константиновной, и Лепешинские, и Курнатовские.

На основе общих интересов завязались оживленные беседы и споры — и о Гегеле с его «Логикой», и о последнем номере «Рабочей мысли», где «молодые» договорились уже до геркулесовых столбов оппортунизма, и об «Антибернштейне» Каутского, и о неокантианстве. Друзья, вслушиваясь в громкий, смелый, приятно-горланый голос «шушенского отшельника», жадно ловили каждое его слово, вникали в высказанную им мысль, такую ясную и простую, что все сомнения рассеивались бесследно.

Очередной спор приблизился к благополучному разрешению. Владимир Ильич, наклонив голову в знак согласия с собеседниками, раскрыл изящную тетрадку, лежащую на столе, и заразительно засмеялся.

— Молодец наш Пантелеймон,— сказал он, показывая присутствующим выразительную карикатуру, изображавшую группу шахматистов: с одной стороны победитель — сияющий Пантелеймон Николаевич Лепешинский, с другой — с унылыми лицами Глеб и Базиль.— Превосходно — характеры хорошо выражены... Ваш талант еще пригодится нам для удара по врагу — пером...

Лепешинский засмутился, в душе обрадованный похвалой Ленина, и поспешил спрятать свою тетрадь с зарисовками.

совками и шаржами. Но тут Глеб и Базиль заговорили, перебивая друг друга:

— Он нас в пух и прах разбил по дороге сюда... Пантелеймон замечательно играет... Вам необходимо скрестить с ним оружие.

Владимир Ильич очень соскучился по шахматам, да и недаром трудился он по вечерам, в часы отдыха в Шусе, над комплектом из березовой коры.

— С радостью сыграю,— сказал он и, вытащив из чемоданчика свой комплект, сказал:— на моих самодельных.

Друзья с интересом рассматривали вырезанные Ильичем фигуры.

— Очень неплохо,— сказал Лепешинский.

— Даже превосходно,— добавил Глеб.

— Прямо-таки великолепно,— воскликнул Базиль.

— Попытаюсь на ваших же шахматах,— сказал Владимиру Ильичу Лепешинский,— поддержать мою репутацию

— И грянул бой, Полтавский бой! — пропел Глеб.

Лепешинский явно волновался, передвигая фигуры, Владимир Ильич играл очень спокойно. Глеб и Базиль попытались было вслух комментировать ходы и делиться, как бы они сыграли на месте того или другого партнера, но Ленин настоял, чтобы игра проходила в тишине и молчании. Пришлось подчиниться.

Когда белые ладьи, которые вел Владимир Ильич, несмотря на упорную защиту и хитрые ловушки со стороны противника, проникли на седьмую линию, Пантелеймон Николаевич перед лицом неизбежного мата поверг в знак капитуляции березового короля на доску.

— Ну что ж! — заявил он не без огорчения.— Это со мною иногда случается, в особенности если я начинаю играть с новым партнером, манеры игры которого не знаю.

Глеб и Базиль закивали в знак согласия головами: да, это вполне возможно, нужно сыграть еще...

— К тому же, — продолжал Лепешинский, — я не привык к вашим самодельным шахматам. Не согласитесь ли, Владимир Ильич, перейти на мои?

Однако и вторая партия с Владимиром Ильичем кончилась для Лепешинского еще более плачевно: хоть он и играл на своих шахматах и уже имел некоторое

представление о манере игры противника, тот очень быстро да еще с жертвой двух фигур объявил ему мат. Теперь Глеб и Базиль уже не кивали сочувственно Пантелеймону Николаевичу, а иронизировали над ним. Глеб спрашивал, не хочет ли проигравший играть третью партию на самодельных шахматах, а Базиль подсовывал ему тетрадку с зарисовками и шаржами и просил, чтобы он изобразил себя с такой же физиономией, какую он наделил его и Глеба. Лепешинскому было и смешно и обидно.

— Я и Владимира Ильича нарисую так же, как и вас, — проворчал он, в третий раз садясь за шахматы в надежде на реванш... Но все его старания были напрасны: и третья и четвертая партии были в столь же блестящем стиле выиграны Лениным.

— Я думаю, нам следовало бы, если вы, Пантелеймон Николаевич, согласитесь, попытаться уравновесить силы. В свое время я получал у Хардина, моего шахматного учителя и друга послегимназических времен, вперед коня, впоследствии — пешку и ход. Мы даже целый турнир провели с дачей вперед...

Лепешинский подумал, подумал и — согласился, к вящему торжеству Глеба и Базиля, чувствовавших себя отомщенными за все унижения за шахматной доской, которые им пришлось претерпеть от прежде грозного, а ныне совсем растерявшегося противника, — да, согласился играть — без коня! Впрочем и без кося он больше делал ничью, а то и пригрывал, и очень радовался редким победам, одержанным над Ильичем...

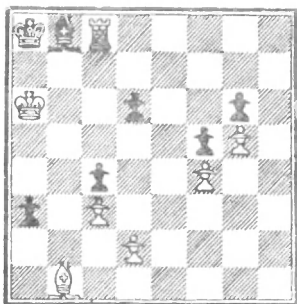
— Я хочу реваншироваться по-иному, — сказал Лепешинский Владимиру Ильичу, когда соглашение о даче вперед было достигнуто. — Видите ли, я иногда грешу сочинением задач. Недавно я составил трехходовку, довольно замысловатую и, думается, с новой идеей. Хочу предложить ее для решения вам и не уверен, что вы будете более удачливы, чем Базиль и Глеб.

— С удовольствием взгляну на ваше произведение, — согласился Ильич. — Правда, я уже давненько не брался за задачи, брат Дмитрий тщетно втягивал меня в это дело; но все же и эта область шахматного искусства весьма интересна, я некогда любил просматривать отделы задач и этюдов в журналах, которые в изобилии выписывал Хардин.

— Какие прикажете вам шахматы подать — самодельные Ильича или свои покупные? — подшучивая над другом, спросил Глеб.

— Да ну вас! — отмахнулся Лепешинский, — давайте какие хотите...

И он расставил на доске следующую позицию:

Ленин впился в нее сосредоточенным, пронизательным взглядом. Лепешинский, ожидавший, что он будет в поисках решения передвигать фигуры, с интересом наблюдал за Владимиром Ильичем: вот он сжал пальцы в кулаки, прищурил правый глаз своим слегка ироническим прищуром, и улыбнулся; потом лицо его снова стало серьезным, он закинул голову назад, наклонил ее к

плечу, сунул разжатые пальцы куда-то подмышки, зажилет...

— Неужели решит, так и не притронувшись к фигурам? — с тревогой спрашивал себя Лепешинский. Ему очень хотелось, чтобы его задача оказалась для Ленина достаточно твердым орешком, но его надеждам и желаниям не суждено было сбыться: не прошло и нескольких минут, как Ленин рассмеялся своим светлым, по-детски радостным смехом, воскликнул: «Так вот где собака зарыта!» и энергичными движениями показал, как решается трехходовка Лепешинского. Глеб и Базиль следили за событиями, разыгрывавшимися на шахматной доске, словно зачарованные: 1. Са2, угрожая матом в два хода и вынуждая черных защитить пешку с4—1. ... d5 2. d2—d4...

— Что вы наделали, Владимир Ильич! — закричал Базиль. — Ведь черным — пат!

— Ничего подобного, — возразил Ленин решительным тоном, — черные должны брать на проходе, после чего получают мат слоном на d5.

— Но ведь на проходе бить пешку не обязательно, брать или не брать — выбор в руках играющего... — не успокаивался Базиль.

— Да, это так, — ответил Ленин, — но только в том

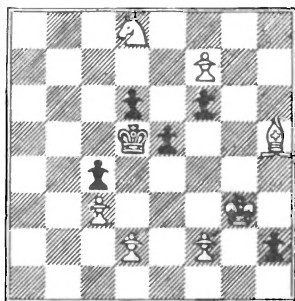
случае, если есть возможность выбирать ход. Если же иного хода, кроме взятия пешки на проходе, не имеется, то остается только сделать этот единственно возможный ход. Так и в данном случае: попытайтесь найти для черных иную возможность!.. Помните, однако, что в шахматах никто от очередного хода не освобождается!

— Так оно и есть,— подтвердил Лепешинский, огорченный, что на решение его трудной задачи Ленин потратил не более пяти минут. Ленин продолжал созерцать доску, словно что-то припоминая.

— Несомненно, среди задач, которые я когда-то рассматривал вместе с Хардиным, была одна на эту же идею... Да, да, ее составил в середине нашего века некто Фридрих Капрец. Если угодно, я ее вам продемонстрирую.

Друзья придвинули свои стулья еще ближе к доске, Ленин быстро расставил фигуры.

— Пантелеймон Николаевич, не покажете ли вы ваше искусство в решении шахматных задач? — насмешливо прищурясь, предложил он Лепешинскому.— Поскольку это ваша идея, для вас задача, конечно, не составит труда... Мат в четыре хода.

Однако сколько ни передвигал фигуры наш проблемист, у него ничего не получалось. Помощь со стороны наблюдателей оказалась мало действенной, пришлось Ленину продемонстрировать решение: 1. Cf3+e4 2. Ch1 f5 3. f4! e:f4 C:f3 — мат.

— Когда вы познакомились с этой задачей? — спросил пораженный удивительной памятью Ильича Глеб Максимилианович.

— Лет семь тому назад,— ответил Ленин, и, видимо, заметя отпечаток восторженного удивления на лице друга, поспешно заговорил: — А не пора ли, друзья, отдохнуть от шахмат — споем, на коньках покатаемся, к вечеру еще побеседуем, о дальнейших встречах условимся — ближайшая — в Шуше, конечно...

— А ведь верно — споем, — поддержал утомленный шахматами Базиль и затанул свою любимую тягучую меланхолическую песню «Така ж ии доля, о боже ж мий милый». Но никто не стал ему подтягивать.

— К черту «такую ее долю»! — задористо воскликнул Владимир Ильич. — Давайте зажарим всем хором «Смело, товарищи, в ногу!»

Минусинский исправник, разрешивший новогодний съезд ссыльно-поселенцев округа, проходил мимо дома, где проживал Кржижановский. Услышав прорывавшиеся сквозь приоткрытую форточку звуки революционной песни —

И водрузим над землею
Красное знамя труда!

он было рванулся к дверям, но с минуту помедлив, поглубже нахлобучил бобровую шапку и, отчеканивая шаг, быстро удалился.

Поражение «Антанты»

Приоткрыв мохнатой лапой скрипучую дверь, рыжая Женька пролезла в комнату, бережно уложила к ногам хозяина старую лошадиную подкову и, глядя на него печальными собачьими глазами, ткнулась мокрым носом об руку.

Женька явно грустила. Еще бы! Столько народу понаехало — и песни пели хором, и на катке, к которому Женька относилась весьма неодобрительно, «гиганили», и к бору всей гурьбой прогуливались, чтобы на далекие горы полюбоваться, а об охоте — о самом интересном — совсем позабыли.

Да куда там! Вот уже второй день сиднем сидят за столиком, тревожно стуча о доску крепко пахнущими лесом и дичью фигурками. То ли дело на быстром бегу мордой взрыхлять свежий снег, подхватывая подстреленных зайцев да тетеревов, на худой конец уток из болота вытаскивать!

Недовольство подаренной друзьями Владимиру Ильичу сеттера-гордона Женьки, перекрещенной новыми хозяевами из «Дженни», имело все основания. Дело происходило на масленицу, в конце февраля 1899 года: по

новогоднему уговору в Шушенское к Ленину и Крупской прибыли гости из Минусинска, и среди них — заядлые шахматисты, давние друзья Ильича по революционной работе и неутомимые противники его за шахматной доской — Глеб Кржижановский и Базиль Старков, а из Ермаковского приказил на подводе Пантелеймон Николаевич Лепешинский, до приезда Ленина слышавший грозой всех здешних игроков... В старом, но прочно слаженном обиталище декабриста Фаленберга стало шумно и весело. Ведь съехались друзья-единомышленники не только чтобы переговорить о важных вопросах предстоящей борьбы, но и отдохнуть как следует. Бегали взапуски, пели хором, выкидывали всяческие штучки на коньках, совершали дальние прогулки... Когда же наступила преждевременная оттепель и веселые ручейки зажурчали меж холмиками бора, решено было засесть за шахматы.

Играли на самодельных ленинских шахматах, и снова, как на новый год в Минусинске, Ильич в единоборстве одержал верх над всеми своими противниками.

Потерпевшие в одиночку поражение зашушукались. Пантелеймон Николаевич разработал коварный план: выступить против Ленина не с глазу на глаз, а объединив силы — целой «антантой». Опасались, что Ильич испугается и отвергнет подобное предложение. Однако грозный противник не проявил ни малейших признаков страха; хитро улыбувшись, прищурив правый глаз, он заявил решительно:

— «Антанта» так «антанта», — готов хоть сейчас!

Но было уже поздно, друзья утомились, и сражение решено было перенести на утро.

Владимир Ильич, устроив гостей на ночлег, попросил Надежду Константиновну разбудить его пораньше.

Давно уже под окном щебетали воробьи, возобновившие с рассвета перебранку, квочка из-под печки ворчливо изливала хозяйке свои обиды, шествовавшие на водопой быки, поддавшись первым весенним настроениям, грузно мычали, а Владимир Ильич спал сном праведника, да и «антанта» тоже не проявляла признаков жизни. Заметив, что время близится к восьми, Надежда Константиновна, оторвавшись от хлопот на кухне, подошла к Владимиру Ильичу. Заботливо поправив съехавшее

набок одеяло, прислушалась к сонному шепоту: «Если он конем на «а» пять, то я турой на «е» четыре»; улыбнувшись, она ласково прикоснулась к его сократовскому лбу:

— Пора, Володя, подниматься — тебя ждет «анганта».

— Какая такая «анганта»? — заворчал было Владимир Ильич, тщетно пытаясь натянуть на голову одеяло, но уловив струившийся из-за неприкрытой кухонной двери сочный аромат жарившихся шанежек, вскочил и начал приводить себя в порядок.

Быстро одевшись и умывшись, он прошел в соседнюю комнату, где мирно почивали заговорщики, одерживая во сне победу за победой, и поочередно стал поднимать на ноги своих «противников».

Он пощекотал пятку Глебу и, когда тот открыл глаза, продекламировал: — *В Шуше у подножья Саяна...*

— Это что за «Шуша у подножья Саяна»? — спросил друг-поэт.

— Я еще в Красноярске сочинил, — признался улыбаясь Ильич, — да дальше первого стиха не пошел.

— Получай второй, — промолвил поднимаясь Глеб Максимилианович: — *Где плещет волной Енисей: Или нет — лучше — Где мчится седой Енисей...*

— А мы закончим куплет! — раздались голоса Старкова и Лепешинского.

— Я первый! — крикнул Базиль, вскакивая с кровати: — *Взялася за шахматы рано...*

— Стоп! Последняя строка за мной! — заявил Пантелеймон Николаевич: — *Взялася за шахматы рано ватага веселых друзей!*

— Ну, ватага, собирайся побыстрее! — возгласил Ильич. — Вас давно уже ждут горячие шаньги со сметаной. — Надя ведь стала настоящей кулинаркой. Подкрепимся и — в бой!

Роль лидера тройственного согласия взял на себя его инициатор — Пантелеймон Николаевич Лепешинский. Перед тем как сделать ход, он, Глеб и Базиль долго совещались вполголоса. «Анганта» горячо переживала события, разыгрывавшиеся на шахматной доске. У проводителя шахматной «кооперации» в зависимости от обстоятельств сражения лицо то розовело, то бледнело, порою начинал дрожать голос. Самый сильный игрок

среди «троицы», он, видимо, сознавал, какая «ответственность» лежит на нем, играл особенно вдумчиво и сосредоточенно. Владимир Ильич, вначале игравший быстро и уверенно, делавший ходы почти не размышляя, стал все чаще и чаще задумываться,— положение на доске складывалось как будто не в его пользу:

У Ильича не хватает двух фигур, его ферзевый фланг разгромлен, мощные силы «антанты» нацелены на белого короля,— противнику явно не избежать поражения.

Члены тройственного соглашения отпускают по адресу добиваемого противника колкие шуточки, выражая искренний восторг в предвкушении предстоящей капитуляции врага; Лепешинский улыбается во весь рот, Глеб, иронически поглядывая на проигрывающего, напевает свою «Варшавянку». Базиль недоуменно уставился на Ильича — почему тот не сдаётся?..

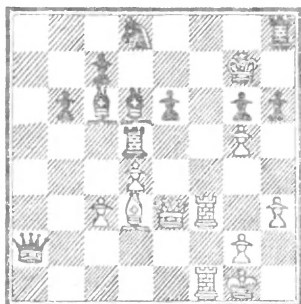
Владимир Ильич сидит, напоминая мраморное изваяние, олицетворяющее страстное напряжение мысли; на его огромном лбу выступили капельки пота; он склонился к доске, сосредоточенный взгляд устремлен на королевский фланг противников — не здесь ли сконцентрирован стратегический и тактический узел всех перипетий сражения?

Наконец, облегченно вздохнув, Ленин широким решительным движением от плеча протянул руку ...

— А вот и я,—раздался звонкий детский голосок, и на пороге появилась крошечная фигурка, закутанная шарфом, в просторной женской кофте из грубой шерсти домашней вязки — несомненно, с плеча матери,— и огромной меховой шапке — должно быть, отцовской.

— А вот и я, Минька,— повторил ребенок, наслеживая гигантскими сапогами и не решаясь приблизиться к играющим.

— Здравствуй, Минечка,— ласково произнес Ильич, отрываясь от доски. Он притянул ребенка к себе, поцеловал его бледное личико с большими сияющими, не по-

*В. И. Ленин, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков,
П. Н. Лепешинский.*

детски печальными глазами и помог ему раздеться.— Сейчас, мой маленький, я принесу тебе вкусную шанежку.— Извинившись перед друзьями, Ленин вышел на кухню. Через минуту Минька сидел у него на коленях и с упоением уписывал шанежку.

— Что нового, Миняй?— спросил у него Ильич, приглаживая непокорные вихры на головке ребенка.

Минька сообщил с грустью, что у лошадки, подаренной ему дядей Володей, выпал глазик, и она окривела.

— Ничего, не горюй, лошадку мы подлечим,— успокоил его Ильич,— а сейчас давай вместе со мной играть в шахматы.

Миняй поудобней уселся на коленях ласкового дяди. Тут в комнату ворвалась мать мальчика.

— Митька у вас? Опять мешает делом заниматься! — Ступай-ка отсюда прочь!..

— Нет-нет! — поспешно возразил Ленин, прижимая

к себе ребенка.— Напротив, Миняй нам существенно помогает: видите, фигуры складывает и ходы за меня делает,— и Ильич протянул ручонку ребенка к ладье f3.— Держи крепче, Минечка,— и помог ему водрузить фигуру на f6, поблагодарив мальчика за помощь в борьбе против «страшных врагов». Минька исподлобья взглянул на шахматную коалицию.

Противники даже совещаться не стали,— они только переглянулись — ход, несомненно, был ими предусмотрен,— последовал быстрый ответ: 1... Л:g5,— теперь не только защищена пешка g6, но и роковое поле близ короля —g2 атаковано трижды...

— Где прикрытие? Белым — крышка!— запел Глеб.— Королю, как видно, мат!

— Минечка,— спокойно произнес Ильич,— возьми мою королеву, белую,— ты ведь знаешь фигуры — и побей ею черную туру.

— Жертва вечерняя! — насмешливо воскликнул Лепешинский, но, взглядевшись в позицию, сразу погрузился и замедленным, неуверенным движением взял пешкой ферзя.— Ба, ба, ба, это что-то нами не предвиденное,— растерянно забормотал он.— Гм... гм... це дило треба розжуваты... — перешел он на украинский. Глеб и Базиль с тревогой следили за погружившимся в тревожное раздумье лидером «антанты».

Левой рукой придерживая ребенка, Ленин выпрямился резким движением, в его глазах загорелись лукавые огоньки. Стремительно делая ход за ходом, он запел:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе!..

«Разжевывать» было уже поздно! «Антанта» не думала, не гадала, как в беду попала, белые учинили ей полный разгром: 3. Л:g6 + Кph7; 4. Л:e6 + Кpg8; 5. Лg6 + Кph7; 6. Л:d6 + Кpg8; 7. Лg6 + Кph7; 8. Л:c6 + Кpg8; 9. Лg6 + Кph7; 10. Л:b6 + Кpg8; 11. Лg6 + Кph7; 12. Ла6 + Кpg8; 13. Л:a2.

Лица участников тройственного согласия вытягиваются все больше и больше. Глеб напевает «Со святыми упокой!». Союзники начинают переругиваться между собой, попрекают друг друга в ротозействе, а их победитель, весело улыбаясь, вытирает платком пот со лба.

— Мы их победили, дядя Володя? — спрашивает Минька.

— Да, мой маленький философ, да, мой друг, мы нанесли им полное поражение!

Тайна шахматного столика

Шушенская масленица праздновалась на славу. Но хотя было решено отдать все время играм, прогулкам, песням, Владимир Ильич то и дело перелистывал книги, делал выписки, набрасывал статьи.

На третий день шушенского «съезда» пришла, как всегда с громадным запозданием, почта. «Разом пусто, разом густо», — говорила Надежда Константиновна. Прибывшие книги заняли место на рабочем столе, газетами завладел Глеб Максимилианович, Ленин просматривал письма.

Лицо Владимира Ильича озарилось радостной улыбкой.

— Письмо от Марка, — сообщил он друзьям, быстро пробегая страничку за страничкой.

Глеб оторвался от газеты, Лепешинские подсели ближе, Старков прислушался.

— Вижу, Марк не забывает о гоголевских почтмейстерах, охотников до чужих писем. Здесь-то, несомненно, они в полном цвету и интересуются не только тем, скачет ли штандарт и пляшут ли барышни в эмпиреях, — продолжал Ленин, задерживаясь взглядом на некоторых местах. — Но Марк превосходный конспиратор — он умеет писать химией в книгах, шифровать и многое другое. Даже шахматы... — Ильич сделал паузу, с удивлением вглядываясь в письмо. — Вот это действительно сенсация! Марк осмелился сесть в сеансе против самого Ласкера и, представьте себе, выиграл партию!

— У чемпиона мира? — с недоверием в голосе спросил Глеб Максимилианович.

— У него самого, — подтвердил Ильич, — но Ласкер играл одновременно против семнадцати игроков.

— И то колоссально, — заметил Базиль. — Как интересно было бы познакомиться с их игрой.

— Это не шифровка, это их партия в шахматной ногацни, — сказал Ленин, показывая письмо Марка Тимо-

феевича друзьям,— как это кстати,— мы сможем за доской проследить за всеми перипетиями их борьбы.

— Слушайте! Слушайте! — воскликнул Глеб Максимилианович, не выпуская из рук номер «Русских ведомостей», кадетской газеты, регулярно получаемой шушенскими изгнанниками.— А это что?.. вы только посмотрите! «Наш знаменитый шахматист М. И. Чигорин в сеансе одновременной игры, данном им московским любителям, из тридцати партий выиграл двадцать, свел к ничьей две и восемь проиграл». Приводятся и имена победителей и среди них...

— Опять Марк Елизаров! — воскликнул Базиль.

— Да, М. Г. Елизаров — взгляните сами.

— Вот он какой! — радостно произнес Ленин.— Ну, сразимся же мы с ним когда-нибудь, хоть и страшно, пожалуй, бороться с человеком, который победил и Чигорина и Ласкера. А пока — взглянем на партию.

Вынесли на крыльцо шахматный столик, расставили шахматы из березовой коры. Ленин, прекрасно разбирающийся в шахматной алгебре, внимательно вглядываясь в письмо, начал делать ход за ходом.

— Итак, Ласкер играет ферзевый гамбит, Марк отказался принять его,— заметил Ленин, вспоминая свой брата учебник шахматной игры.

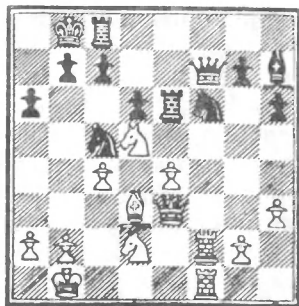
— А к чему чемпионская королева выскочила? — спросил не успевавший следить за ходом игры Базиль.

— На то и ферзь на доске, чтобы король не дремал,— пошутил Глеб.

Владимир Ильич первым давал комментарии к ходам друга и его грозного партнёра. Некоторые ходы вызвали маленькие и большие споры.

На доске сложилась интересная позиция.

— Здесь, по-видимому, высшая точка борьбы,— сказал Ленин.— В такие моменты необходимо действовать, и действовать решительно, чтобы не упустить инициативы. И Марк это почувствовал,— ведь так и в нашей борьбе...— и повел энергичную атаку, наверное, и не думая о том, что перед ним — сам Ласкер — 1... K:d3 2. Ф:d3 K:e4.

— Как? Ферзя открыл ладье! — заволновался Базиль.

— Превосходно сыграно,— заметил Пантелеймон Николаевич:— если белые ладьей возьмут ферзя, то конь побьет коня с шахом, а затем слон — ферзя.

Этот возможный вариант указывает и Марк. Поэтому Ласкер сам взял конем — коня — 3.К:e4, на что Марк ответил — 3.... С:e4!

— А королева Марка все еще остается под ударом! — сказал Базиль.

— Если Ласкер возьмет ее, то Марк слоном побьет его ферзя, а затем и туру, что безусловно даст ему победу. Тут чемпион мира поставил Марку маленькую ловушку,— Марк пишет: «Подойдя к моей доске, Ласкер решительным движением взял слона ферзем и ожидающе взглянул на меня, словно вызывая на немедленный ответ. Он, видимо, надеялся, что я сразу возьму ладьей его ферзя, но я показал ему знаком, что хочу подумать над ходом, и он с невеселым лицом отошел к соседней доске. Круг играющих значительно поредел, и, когда Ласкер вновь подошел ко мне, ход был мною уже сделан: я побил ферзем его ладью, выиграл качество, а вскоре, после неудачной попытки запутать меня, чемпион мира сделал короткий жест, означающий, что он сдается».

Финал партии был показан Ильичем в быстром темпе — Надежда Константиновна уже второй раз приглашала увлекшихся шахматистов к столу.

Когда гости разошлись на ночлег, Владимир Ильич заговорил с Надеждой Константиновной о письме Марка Тимофеевича.

— Марк прислал интересные замечания о рынках, пишет о своих планах оставления службы и поступления в инженерное училище. Какой молодец! — обыграл, хоть и в сеансах, двух сильнейших шахматистов нашего времени. А знаешь, в его письме есть фраза, которую я утаил от Глеба и Базиля, так как им она осталась бы непонятной. Описав свою победу над Ласкером, он говорит: «Как видите, шахматы у нас с Анютой процветают во всех направлениях...». Понимаешь,— во всех направлениях?! Это — для почтмейстера Шпекина...

— Значит, и шахматный столик в ходу?..

— Да, и заповедный шахматный столик с его тайной, известной только нам четверым!

Тайна заповедного шахматного столика была раскрыта лишь после великой победы Октября.

В одной из комнат саратовской квартиры, где жила старшая сестра Ленина, Анна Ильинична со своим мужем Марком Тимофеевичем Елизаровым, находился своеобразный шахматный столик. Он держался на довольно массивной ножке с тремя лапками и по виду был предназначен для игры вчетвером: с боков у него имелось четыре ящичка, содержавших четыре комплекта шахматных фигур — красные, синие, белые и черные. Доска имела не шестьдесят четыре, как обычно, а целых сто клеток!

За этим столиком никогда не видно было играющих, — да разве можно было играть в шахматы вчетвером, на стоклеточной доске?!

Когда к Елизаровым-Ульяновым приходила полиция с обыском, что случалось довольно часто, жандармы не раз обращали внимание на шахматный столик, ощупывали его со всех сторон, отдирали матерчатые подклейки у цветных фигурок, а потом, убедившись, что в нем ничего крамольного нет, махнули на него рукой.

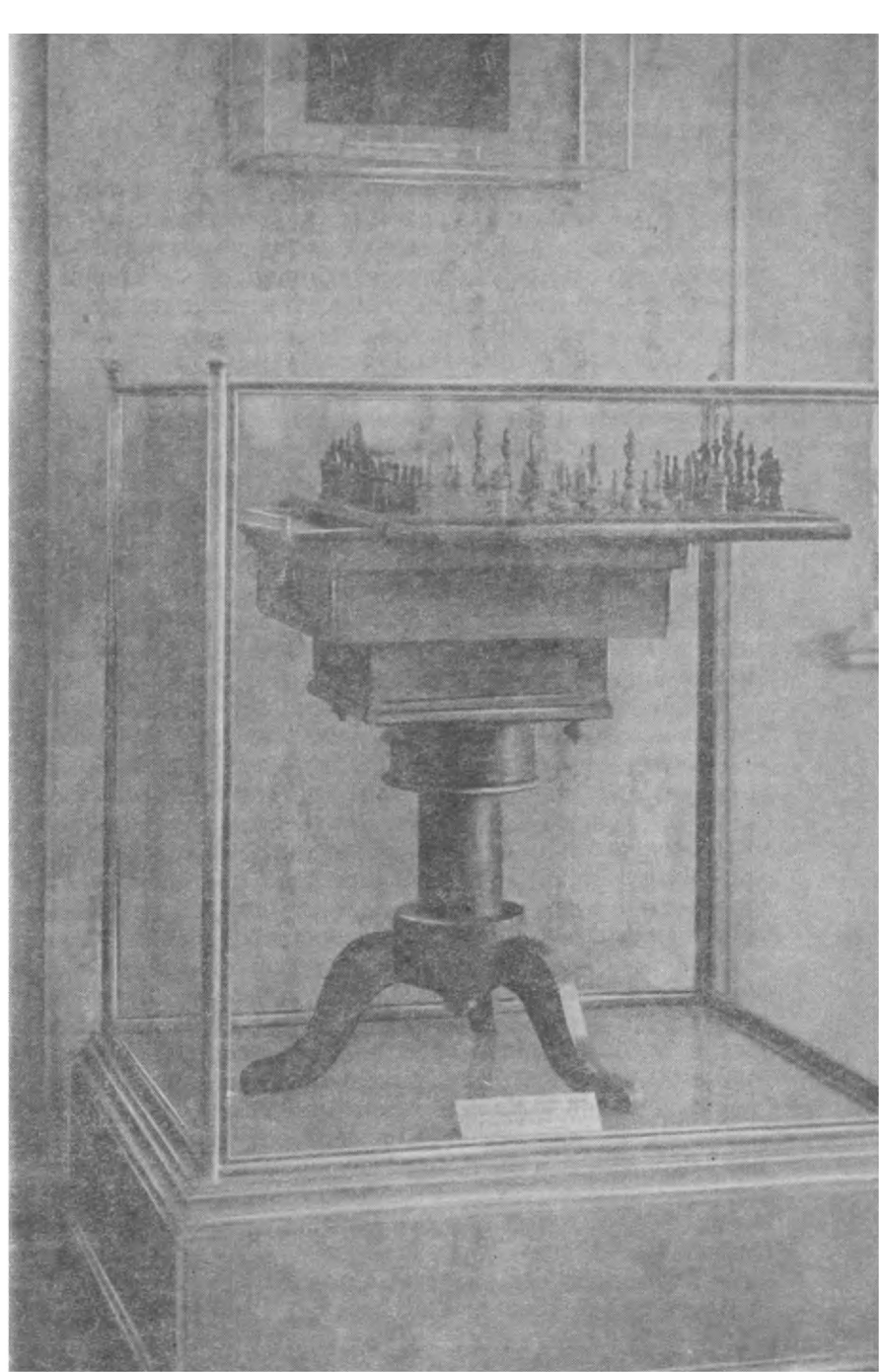
А ведь столик этот был изготовлен верным делу революции человеком по чертежу, набросанному Владимиром Ильичем, и у него было особое назначение, а вовсе не игра в шахматы! Шахматная доска сдвигалась в сторону, подобно крышке пенала, и глазам открывалось выдолбленное в дереве углубление... Сюда и пряталась подпольная литература и партийная переписка.

Да, в семье Ульяновых и Елизаровых шахматы действительно процветали во всех направлениях и сослужили немалую службу делу революции!

Небывалая партия

— Помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности, — вот все, что оставляет нам «кредо» госпожи Кусковой и господина Прокоповича, — с чувством глубокого негодования

Шахматный столик Елизаровых

произнес Владимир Ильич, просматривая недавно присланную ему старшей сестрой рукопись. — Да ведь это выступление русских бернштейнцев — настоящее объявление войны нам, социал-демократам, типичный «экономизм». Значит, — продолжал он возмущенно, — долой образование самостоятельной политической рабочей партии, неотделимой от классовой борьбы пролетариата и ставящей своей ближайшей целью завоевание политической свободы. Нет, никогда и ни в коем случае! — словно отрезал Ленин: — Девизом социал-демократии должно быть содействие рабочим не только в экономической, но и в политической борьбе! Только самостоятельная рабочая партия может быть твердым оплотом в борьбе с самодержавием! Я набросал тут «Протест российских социал-демократов», — сказал он, протягивая Надежде Константиновне густо исписанные листки, — прочти и, как думаешь, нам необходимо собраться, чтобы обсудить, подписать и предать гласности наш совместный протест.

— Ты безусловно прав, Володя, — борьба необходима, самая решительная борьба... Где и когда соберемся — у нас, в Минусинске, или в Теси?

— Как можно скорее, дело не терпит отлагательства! А съедемся в Ермаковском, к Анатолию Ванееву. Он тяжело болен, ему не то что в поездку пуститься — с места не сойти. Пригласим всех к нему и к Лепешинским.

Между селами Тесинским, Шушенским, Ермаковским и Минусинском, где отбывали ссылку многие друзья и единомышленники Ленина, быстро была достигнута договоренность о встрече. Добились у местных властей разрешения навестить больного товарища... И вот в конце августа 1899 года по сухим пыльным улочкам Шушенского простучало несколько подвод, сопровождаемых неистовым собачьим лаем: это прибыли друзья из Теси и Минус, чтобы на следующее утро отправиться в Ермаковское. Среди них были и постоянные шахматные противники Ильича — Глеб и Базиль.

Надежда Константиновна накормила приехавших вкусным обедом, и они взялись за обсуждение проекта «протеста». Особенно Ленгник возражал против указания на прямое родство идей «кредо» с позицией главы зарубежных оппортунистов — Бернштейном.

— Не может быть, чтобы Бернштейн так далеко ушел от марксизма, — говорил он.

— Дальше, чем можно полагать,— убеждал его Ленин.

В конце концов Ильич согласился, чтобы спорный абзац был исключен, заявив при этом, что твердо остается при своем мнении. После ужина кто-то предложил вернуться к обсуждению документа, но Ильич шутя заявил, что он протестует против «протеста», на сегодня хватит, завтра — поездка и собрания, разговоры и споры, нужно и отдохнуть. Остались только Глеб и Базиль — им хотелось вдвоем поиграть против Ильича в шахматы.

— Новая? — спросил Глеб, указывая на самодельную доску и удивленно ощупывая клетки.— Почему тут выемки?

— Завтра узнаете,— хитровато прищурившись, ответил Ленин.

Первую партию «кооперация» проиграла быстро, несмотря на то, что, учитывая отсутствие Лепешинского, Ильич дал своим противникам вперед ладью. Взялись за новую. Глеб и Базиль то и дело совещались. Им удалось не только сохранить перевес на данную вперед фигуру, но и основательно пощипать пешечные ряды противника. Правда, они утомились и то и дело сладко позевывали. Когда же Базиль начал клевать носом и при этом сбил с доски белого ферзя, Владимир Ильич, добродушно улыбнувшись, предложил отложить доигрыванье на следующий день.

Однако, как рано ни поднялись игроки, на шахматы не оставалось ни минутки: нужно было покормить и запрячь лошадей, снарядиться в дорогу, подкрепиться перед отъездом.

Пробегая мимо столика, на котором со вчерашнего вечера стояла шахматная доска с позицией, Глеб и Базиль то и дело взглядывали на нее, восклицая: — Победа за нами, Ильичу остается только сдаться!

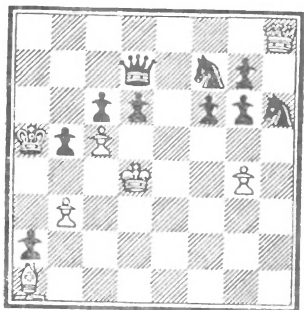
— Друзья мои! — сказал Владимир Ильич, стараясь не уронить с деревянной вилки пельмени,— сдаваться я не собираюсь, ибо не вижу в этом ни малейшей необходимости; доиграть же нашу партию нужно, и мы это сделаем... проведем доигрыванье... по пути в Ермаковское!

— По пути? На подводах? По тряской дороге? — Удивлению друзей не было предела, но Ленин пояснил:

— Вы заметили вчера, что новая доска, которую я

специально для нашей поездки смастерил, имеет выемки. Это для того, чтобы фигуры стояли устойчивей — они не упадут ни от какой тряски; я сделал шахматы, пригодные и для сибирских дорог. Учтите, что я поеду отдельно от вас и партию буду доигрывать вслепую, — тряхну молодостью, даром что вы меня «стариком» прозвали, а вам в руки лишний шанс на выигрыш... Располагайте полным комплектом — водружайте доску с фигурами на подводу, а что с доски прочь — прячьте в карманы.

Доигрыванье прерванной партии представляло собою небывалое в истории шахмат зрелище: на передней подводе расположился Владимир Ильич. Обдумывая ход, он, прищутив глаза, смотрит на небо, искрящееся углубленной утренней голубизной. На следующей подводе разместились Глеб и Базиль; они склонились над доской — фигуры в предназначенных им выемках действительно стоят крепко — ни придерживать, ни даже поправлять их не нужно. Друзья еще раз обдумывают вчерашнее положение, нарушая, благо Ильич не увидит, его неизменное правило «тронуто — схожено!» Вот эта позиция:

Базиль кричит в ухо Глебу:

— Ему осталась пара предсмертных шахов — и готово!

— Капитуляция неизбежна, — отвечает тот, вслушиваясь в долетающий до них обрывками голос Ильича: — «Ферзь «аш» восемь «а» восемь шах!»

— Повторите!

Ильич повторяет, ход сделан.

— Что я говорил! — кричит Базиль в ухо Глебу. — Королем

на b4 — и после шаха слон шахов больше нет! — отвечает Глеб.

— Король «а» пять «бэ» четыре! — во все горло возглашает Базиль.

К удивлению партнеров Ильич отвечает молниеносно: — Ферзь «а» восемь «а» три — шах!

Друзья ошеломлены. И хотя Глеб уже сделал названный Лениным ход, они переспрашивают: «Куда ферзем? Не ошибся ли Ильич?»

Ильич приподнимается на подводе, лицо его озаряет-

ся светлой улыбкой; он приветливо машет рукой и повторяет громким гортанным голосом ход.

— Не понимаю, в чем дело...— растерянно роняет Базиль.

— Может быть — своеобразная форма капитуляции? — высказывает предположение Глеб, — однако нам только и остается, что принять столь щедрую жертву — другого хода и нет... — Посмотрим, что он будет делать с одним слоном!

— Король «бэ» четыре бьет ферзя «а» три! — что есть силы кричит Базиль.

Ответный ход сообщается Ильичем с телеграфной быстротой:

— Король «дэ» четыре «цэ» три!

Базиль испуганно взглянул на товарища.

— Печально, но факт: нашему королю грозит мат слоном, — с эпическим спокойствием констатирует Глеб.

— Скорее шаховать — конем, слоном, ферзем!

— Ни конем, ни слоном, ни ферзем — шаха нет!

— А пешкой? Ведь пешкой можно.

— Только и остается, что шахнуть пешкой... Объявляй, Базиль.

Базиль от волнения и огорчения совсем растерялся. Он закричал было:

— Пешка «цэ» шесть «дэ» четыре — шах, — но, услышав веселый голос Ильича: «Разве пешка в коня превратилась?» — вовсе запутался.

— Шах можно дать пешкой «бэ» четыре, — пояснил ему Глеб.

От шаха белый король отошел на с2.

— Базиль, это, оказывается, наш предсмертный шах, — огорченно заметил Глеб. — Придется нам объявить о капитуляции, — ведь мат слоном на «бэ» два неизбежен!

— Так легко я не сдаюсь! — категорически заявил Базиль и закричал: — ферзь «дэ» семь «эф» пять шах.

— Пешка берет черного ферзя! — хохоча выкрикнул Ильич.

— Вот теперь можно сдаться, — уныло произнес Базиль.

Крепкие сибирские кони быстро домчали путников до Ермаковского. Встретившись с Лепешинским, Базиль принялся было с упоением рассказывать про удивитель-

ную партию, начатую в Шушенском и доведенную до конца в пути сюда на подводах...

— Сейчас не время, друг Базиль! — прервал его Ленин. — Займемся «кредо» и нашим «протестом» — и только этим.

Ильич вынул из кармана смявшиеся густо исписанные листки и прочел, сопровождая чтение ударами крепко сжатого кулака по столу:

— Собрание социал-демократов одной местности (России) в числе семнадцати человек приняло единогласно...— Ленин обвел орлиным взглядом присутствующих, — приняло единогласно, — повторил он, — следующую резолюцию и постановило опубликовать ее и передать на обсуждение всем товарищам!

Шахматы и охота

В сени доносился из комнаты веселый голос. Надежда Константиновна невольно прислушалась, слишком уже необычно звучали слова Ильича:

— Что касается его королевского величества, то все сообща обязаны защищать его, хранить, как зеницу ока, не подпуская ни на шаг врагов трона и престола!...

Надежда Константиновна распахнула дверь и расхохоталась: оказывается, Владимир Ильич играл в шахматы с шушенским крестьянином Строгоновым, который хаживал к ним сперва за юридическими советами, потом они с Владимиром Ильичем подружились и ходили вместе на охоту. Долгое время Строгонов все приглядывался, как Владимир Ильич играл в шахматы, и однажды попросил объяснить ему правила игры, а там и сам рискнул сыграть партию со своим учителем. Для уравновешения сил Строгонов получал вперед ферзя, и только совсем недавно Ильич стал давать ему ладью. Однако сколько ни старался упорный партнер устроить своему противнику мат, ничего у него не получалось, хоть он и размышлял над иным ходом чуть ли не по целому часу.

— Эх, и на этот раз не удалось вас осилить, — вздохнул Строгонов, — сколько ни пыжился, а подпустил к его королевскому величеству врагов трона и престола!

— Знаете что, любезный Иван Афанасьевич, — приветливо сказал Ильич, — в шахматы мы с вами порядком

наигрались, не вредно будет и передышку сделать. Денька через два у меня станет полегче с работой, так не сходить ли нам на охоту на тетерок? Сейчас самый сезон!

Строгонов с радостью согласился. Условились, что Владимир Ильич зайдет за ним, а он к тому времени приготовит все, что требуется для охоты.

— Неужели так никогда не одержу я над вами верха? — прощаясь с Ильичем, спросил с печалью в голосе Строгонов.

— Одержите, дружище, непременно одержите, — утешил друга Ильич и, улыбаясь, прибавил: — если будете не только беречь его королевскую милость, но и напирать на короля противной стороны, пока не прикончите его матом!

Строгонов понимающе кивнул головой.

Владимир Ильич зашел за Строгоновым точно в назначенное время, но тот, оказывается, позабыл об охоте, ввязавшись в шахматную борьбу с местным волостным писарем. Писарь, раздумывая над ходом, лихо подкручивал нафабранные усы, которые и без того торчали остриями вперед и делали его похожим на огромного таракана; да и фамилия его была — Тараканов. По грустному выражению лица своего шахматного ученика Владимир Ильич заключил, что дела Строгонова далеко не блестящи.

— Не отправимся ли в путь-дорогу? — спросил Ильич, чуть кивнув писарю. — Доиграть можно будет и после, а охота временем не богата.

— Да я хоть сейчас... — встрепенулся Строгонов.

— Никак не сейчас, — категорически заявил писарь, — либо партию сдайте, либо матика-с дождитесь.

Владимир Ильич взглянул на доску, вдумчиво прищурился и сказал: — По-моему, сдаваться преждевременно.

— Нет-с, — возразил писарь: — пешек наших-с не удержать. Иной думает — пешка! чего она стоит? — ничего-с. Ан нет — пешка, в каком смотря случае, решить дело в состоянии. Тебе, Строгонов, лучше бы в картишки жарить: там суть не столько в уменье, сколько в везенье. Все от господа, — набожно сложив ладошки, прибавил писарь.

— Бога нет и вовсе, — буркнул под нос Строгонов.

— Не нам с вами о сием решать положено, — внушительно сказал писарь, и в голосе его зазвучали начальственные нотки. — Итого, сдаваться намерены-с?

Строгонов, вороша свои густые волосы, продолжал раздумывать над доской. Писарь приосанился, подвертел усики и вполоборота обратился к Ильичу:

— Мы премного наслышаны о преуспевании вашем, господин Ульянов, в сферах шахматной премудрости...

Он говорил так, что нельзя было понять, подшучивает ли он над собственной манерой выражаться, или по-человечески разучился говорить под влиянием канцелярского жаргона и церковных проповедей.

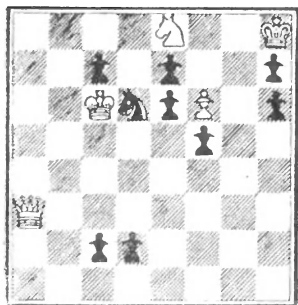
— Можем полагать, однако, что в сей ситуации и ваше искусство вотще стало бы расточать цветы своего умения.

— То есть вы, господин Тараканов, полагаете, что будь я на месте Строгонова, вы все равно принудили бы меня к сдаче партии? Так ли я вас понял?

— Точно так-с, — подтвердил писарь.

— В таком случае, если Иван Афанасьевич не возражает, я готов принять ваш вызов, — решительно заявил Владимир Ильич.

Строгонов с охотой уступил свое место за доской Ильичу. Ленин еще раз внимательно всмотрелся в положение.

Быстрым, широким броском руки Владимир Ильич сделал ход ферзем: 1. Фa3 — g3!

Писарь подумал и оказал:

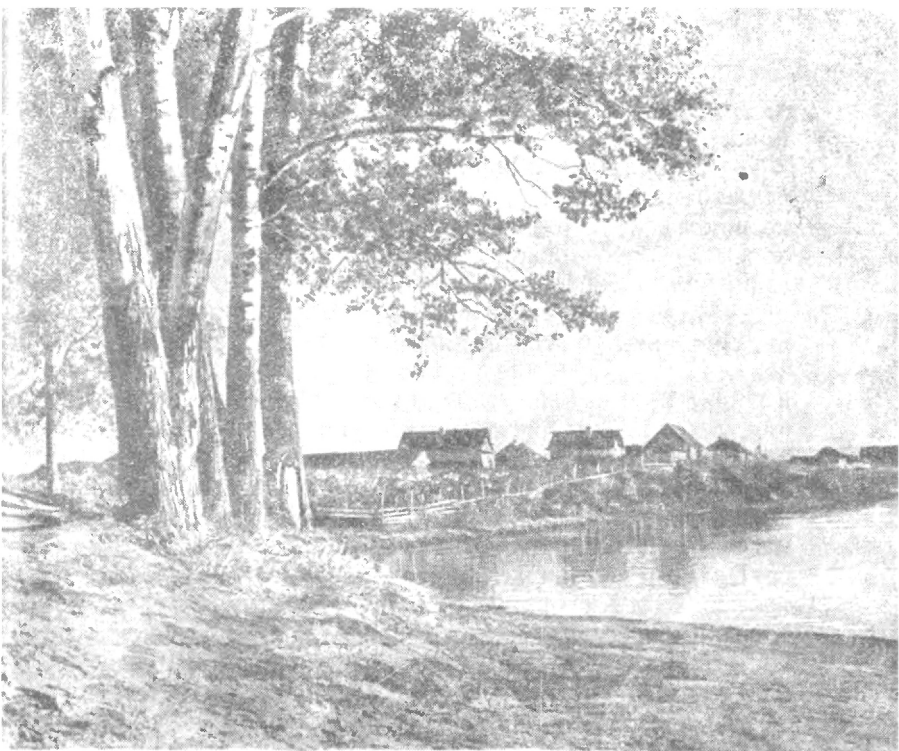
— Обратить пешку в королеву мы завсегда-с успеем... А пока обезвредим нашего царя от мата...

Он побил конем коня — 1... Kd6 : e8.

Ленин несомненно предвидел этот ход — он молниеносно передвинул ферзя.

— Шах! — 2. Фg3 — g7 + !!

— Шах? — так и ахнул Строгонов, потрясенный совершенно неожиданной жертвой сильнейшей фигуры, столь решительно проведенной Ильичем, а писарь встал, напряженно вытянув и без того длинную шею, и словно окаменел, уставившись вытаращенными глазами

Село Шушенское

на доску. Колючие усы его сперва было сникли, но сейчас же приподнялись, в маленьких свиних глазках забегали злые огоньки:

— А мы вашу уважаемую мадаму того-с — пристукнем, — заторжествовал писарь и побил ферзя конем: 2. ... Ke8 : g7.

Ленин в ответ продвинул вперед единственную оставшуюся у него фигуру — 3. f6 — f7.

— Пешки — орешки, — захихикал писарь и превратил пешку c2 в ферзя с шахом: 3. ... c2 — c1Ф +. Ленин спокойно ответил — 4. Kрс6 — d7. Писарь с ожесточением провел в ферзи вторую пешку и с причмокиванием объявил: «шах!» — 4. ... d2 — d1Ф +. Ленин, улыбаясь, отошел королем — 5. Kpd7 — c8. Писарь снова привстал, вытянув шею, — усы его постепенно опускались...

Единственная пешка белых — все, что сохранилось от их шахматной армии, в умелых руках Ильича оказа-

лась сильнее двух ферзей, коня и шести пешек противника.

— Шах... шах... шах... — бормотал писарь, — мат!.. неужто мат?.. — И, постояв в позе вопросительного знака еще несколько минут, произнес совсем утробным голосом: — Готов повергнуть своего царя-с к ногам вашего превосходства...

— Конец — делу венец, — улыбнулся Владимир Ильич, смешивая фигуры и аккуратно укладывая их в ящичек. — Благодарю вас за игру. Верно вы отметили, что и пешка иногда решить дело в состоянии, только не черная, а белая... Поспешим, голубчик Иван Афанасьевич, тетерки-то ждать нас не станут...

Он приоткрыл дверь во двор, и на пороге, мотая пушистым хвостом во все стороны, появилась сеттер Женька, так и пышущая охотничьим жаром.

Владимир Ильич, легко вскинув ружье на плечо, быстро зашагал в сторону роши; впереди помчалась рыжая Женька, вздымая пыль, а сзади бежал, догоняя их, на ходу заправляя ружье, довольный победой Ильича над ненавистным ему писарем Строгонов.

КРАСИВАЯ ШТУЧКА

На Капри

— Если вам здоровье позволит, я предпочел бы пешком,— сказал Ленин, заботливо взглянув в глаза Горькому.

— Мне-то что,— ответил Алексей Максимович поглаживая друга по руке,— я боялся, что вы с дороги устали.

Отказавшись от услуг фуникулера, заполненного туристами, съехавшимися на Капри со всех концов мира, Ленин и Горький, рука об руку, начали быстро подниматься по крутой каменистой дорожке. Попытки Горького завладеть чемоданчиком Ильича ни к чему не привели.

Скоро дошли до поворота; оттуда начиналась более пологая дорога к скалистой террасе. С радостными криками их окружила ватага бедно одетых ребятишек.

— Будущие рыбаки,— сказал Горький, вытаскивая из карманов сладости, припасенные для детей. Владимир Ильич поднял похожего на арабчонка мальчика, на котором, кроме рваных штанишек, ничего не было, и тот доверчиво обхватил ручонками рыжеватого дядю, положив ему на плечо курчавую головку. Ленин роздал детям весь запас твердого швейцарского шоколада «Гала-Петер».

Став лицом к заливу, взглядываясь в нечеткие очертания дымящейся горы, Ленин любовался величественной картиной. Полной грудью вдыхал он напоенный пряным ароматом дрока и морской соли воздух, охватывая взглядом беспредельную перспективу Неаполитанского залива.

— Как прекрасно почувствовал наш Иванов в своих этюдах к «Явлению Христа», которые кажутся мне

сильней его самой картины,— заметил Ильич, — все своеобразие красоты здешней природы,— помните — в Третьяковской галерее?...

— Помню,— сказал Горький и тяжело вздохнул.

— Тоскуете по России! Ничего — мы вернемся на родину и, быть может, скорее, чем надеемся,— уверенно произнес Ленин, следя за маленьким пароходиком, совершавшим обратный путь в направлении на Соренто.— Ощущая всем сердцем, вот так, как здесь,— продолжал он,— торжественную умиротворенность природы, мира, вселенной, царящую вокруг нас, невольно отвлекаешься от мыслей о спорах и драчках...

— Вот, вот именно — торжественная умиротворенность! — торопливо подхватил Горький.— Вот бы и у нас тоже... — не закончив фразы, искоса взглянул он на Ильича.

Ленин усмехнулся, поняв подспудную мысль Горького.

— На земле мир, во человецех благоволение, так, что ли? — в голосе Ленина звучали иронические нотки.— Только не берите на себя миссии ангела, возвещающего пастухам рождение спасителя.

Лицо Горького выразило величайшее смущение и разочарованность, а Ленин продолжал:— Вижу, вы все-таки надеетесь на мое примирение с нашими махистами — с Богдановым и иже с ним. Я вас предупредил перед поездкой сюда — это невозможно! И не пытайтесь — прошу вас! Не мир, но меч! — отрезал Ильич.— Я люблю и ценю Богданова как человека, но философия его архиреакционна и на руку только нашим врагам.

Появилась группа туристов, возглавляемых гидом. Гид то и дело отдавал на нескольких языках команду, а туристы единодушно вращали головами, единодушно делали заметки в своих дневниках, сравнивали картины природы с картинками в путеводителе, отдавая явное предпочтение последним.

— Отсюда открывается великолепный вид на море,— внимание, смотрите! — скомандовал гид, и туристы всем стадом уставились по указанному его властной рукой направлению.

— Трудненько нам привыкать к этому празднику природы,— с возмущением сказал Владимир Ильич.— Видите, и сама природа во всей ее красоте, как и ре-

шительно все в этом мире купли и продажи, эксплуатируется наживы ради, а народ влечит самое жалкое существование, — достаточно взглянуть на ребятишек, чтобы убедиться в этом. Золото и лохмотья! А вы — об умиротворении!..

Дорога пошла по обочине горы.

— Взгляните на эти руины, — Горький указал на самый высокий утес, доминировавший над всем островом. — Развалины на высоте — остатки дворца Тиберия. Дворец, в котором мрачный владыка в страхе даже перед самыми близкими ему людьми искал уединения, славился некогда своим сказочным великолепием, а теперь там даже полы, выложенные когда-то разноцветным мрамором, ободраны вконец — все расхищено, только трактирщик по соседству с руинами и процветает, — там по заказу туристов пляшут тарантеллу, опошляют народное искусство.

— А эта дорожка куда ведет? — спросил Ленин.

— Та, что вниз, к пляжу, где мы купаемся, к «Пиккола марина», «Маленькому морю»...

— Нет, та наверху, что заканчивается стальными воротами. Да и ограда, такая высоченная, тоже, видно, стальная, — с удивлением заметил Ленин. — Что это за крепость, от которой веет холодом и злобой?

— Это вилла Круппа, пушечного короля вильгельмовской Германии, — ответил Горький.

Ленин так и впился в мрачную сталь своим проникающим взглядом и мгновение спустя перевел его на далекие развалины.

— Как чудесно ощущается здесь течение истории, смена эпох! И стальной замок нынешнего владыки будет также ниспровергнут, как дворец тирана. Взгляните, сталь уже дает трещины... Ждать осталось недолго!

Горький всмотрелся в стальную ограду и, не увидев никаких трещин в ней, понимающе улыбнулся.

Владимир Ильич избегал встреч с Богдановым и его кругом. Решительно уклоняясь в недолгое свое пребывание на Капри от бесед на философские темы, он был настроен спокойно, холодновато и насмешливо. Проводя время вдвоем с Алексеем Максимовичем, он отдыхал по-настоящему. Друзья объездили все гроты, которыми славился остров — Жемчужный, Розовый, Изумрудный, Лазурный; побывали на раскопках Пом-

пей, поднялись на вершину Безувия; в Геополитанском музее, где Горький знал каждый уголок, Ленину особенно пришлась по душе картина Веласкеса, изображавшая жизнерадостного, слегка подвыпившего бога веселья и пробуждение природы.

Однажды Богданов предложил Ильичу сыграть партию в шахматы. Ленин соскучился по шахматам — напряженная работа этих лет не позволяла уделять время любимой игре. На веранде, откуда открывался прекрасный вид на море, был установлен складной шахматный столик. Ленин, не снимая темного котелка, привычным движением поправил широкий черный галстук и уверенно сел в плетеное кресло. Его противник ссутулился над доской, отложив широкую мягкую шляпу в сторону. Лицо Богданова всякий раз, как он подымал глаза на своего партнера, озарялось доброй, приветливой, словно виноватой улыбкой. Алексей Максимович и Мария Федоровна расположились сбоку. Ленин слегка шлепнул Богданова по левому кулаку, тот разжал пальцы — Ленину выпало играть черными.

— Шахматы — это утопия, — заметил Богданов, продвигая на два поля вперед королевскую пешку.

— А ведь вы, любезный Александр Александрович, — возразил Ленин, делая ход слоновой пешкой, — с утопией-то, с вашим «Инженером Мэнин» напутали — тот же махизм, то есть идеализм, только припрятанный за литературной, так сказать, внешностью.

— Сейчас я пишу новую утопическую повесть «Красная звезда», и действие в ней происходит на Марсе, — Богданов, двинув коня, взглянул на противника и добродушно улыбнулся.

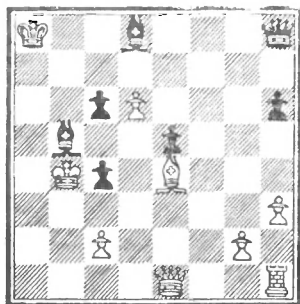
— Вам не мешало бы с Марса на землю спуститься, — сказал Владимир Ильич. — Вот вы написали бы для рабочих... Для рабочих, — повторил он подчеркнуто, — роман о том, как хищники капитализма ограбили землю, растратив всю нефть, все железо, весь уголь... Это была бы очень полезная книга, синьор махист.

Богданов опустил взгляд на доску. Снизу издали донеслись мелодичные звуки «Аве, Мария» — вечерней молитвы, и Ленин, не отрываясь от шахмат, прислушался. Алексей Максимович пытливо посматривал на играющих. Мария Федоровна ушла распорядиться по хозяйству. В молчании было сделано уже немало ходов, пози-

ция упростилась, и, когда с моря повеял предвечерний обещающий прохладу легкий ветерок, в сложившемся положении можно было подвести некоторые итоги.

У белых было качество — ладья против слона и проходная пешка, и, казалось, победа их была предрешена. Владимир Ильич уже не вслушивался в мелодии песен, которые пели проходившие по дороге рыбаки,— весь облик его мог бы послужить благодарной натурой для скульптора, задумавшего этюд на тему — «сила мысли»; его противник весело поглядывал по сторонам, не-

терпеливо посматривая на доску, на Ильича, показывая своим небрежно-рассеянным видом, что ему за доской уже делать нечего, противнику пора сдаваться... Видя, что Ильич продолжает размышлять, Богданов, обращаясь к Горькому, произнес с оттенком иронии:

— Нет, шахматы вовсе не утопия, они скорее представляют собою социально-организованный опыт...

Услышав эту магическую формулу отечественного махизма, Ленин молниеносно поднял голову, пронзая противника огненным взглядом.

— По-вашему, и католицизм,— воскликнул он страстно и язвительно,— тоже социально-организованный опыт, не так ли? Ка-то-ли-цизм,— отдельно произнес Ленин,— это эксплуатация народной темноты определенными общественными классами. Вы слышите хоровое пение вечерней молитвы — зайдите в здешнюю церковку, посетите храм святого Петра в Риме... Я не сомневаюсь в том, что вы, Александр Александрович, лично вы — и безбожник и враг всей и всяческой реакции, но ваша горе-теория сродни самой худшей из религий и служит этой реакции. Факт прискорбный, но — факт!

— Моя теория служит реакции?! — воскликнул Богданов, подняв ладони, словно воздвигая между собой и реакцией эту нестойкую преграду.

— Вашей позой апостола Павла из «Тайной вечери» Леонардо вы никого не переубедите,— вам стоит припомнить, что рядом с отмежевывающимся Павлом изобра-

жен Иуда... Знайте — мы, большевики, за попытки поносить марксизм или предавать политику рабочей партии будем воевать, не щадя живота, пойдем на любые жертвы!

Белая козочка, общая любимица, кокетливо перебирая копытцами, подбежала к играющим, взглянула на них глупыми глазами и положила голову на колени говорившему. Ленин, не отрываясь от доски, погладил ей бородку, пощекотал за ухом и, левой рукой объявив шах слоном — 1... Са5+!, задорно поднял голову.

— Да-да, пойдем на любые жертвы,— повторил он, с затаенным коварством поглядывая на партнера. Тому только и осталось, что принять неожиданную для него жертву — 2. Кр:а5,— ибо в случае отступления короля белые теряли бы ферзя, а с ним и партию.

Окидывая взглядом всю доску, видимо, в последний раз проверяя задуманную комбинацию, начальным звеном которой была красивая жертва слона, Ленин удовлетворенно откинулся на спинку стула и совсем спокойно проговорил:

— Один философ из вашего же лагеря единожды в жизни изрек истину: «Кто ясно мыслит — ясно излагает». Вот вы и объясните мне в двух-трех фразах, уважаемый Александр Александрович, что дает рабочему классу ваша «всеобщая подстановка» психического под физическое и почему махизм революционнее марксизма?..

Богданов заволновался и, стараясь говорить покороче и пояснее, то и дело впадал в многословие, путался в терминах и определениях и наконец совсем сбился с мысли.

— Вот это и есть идеализм,— сказал, иронически усмехаясь, Ленин.— Мы будем бороться с вами, защищая марксизм, бороться до конца! Я пишу сейчас работу, в которой поставил себе задачей разыскать, на чем свихнулись люди, преподносящие под видом марксизма нечто невероятно сбивчивое, путаное — вот как вы сейчас сбивались и путались — и архиреакционное. Нет, мира тут быть не может — в атаку! на врага! — воскликнул Ленин.

Последовало — 2. ... Фd8+ 3.Крb4 Ф:d6+ 4.Крс3 Фа3+.

Алексей Максимович, занявшийся было чтением писем, в изобилии получаемых из России, стал с прежним.

интересом следить за игрой, поражаясь неутомимости черного ферзя, который без устали преследовал короля 5. Kpd2.

— Борьба, борьба до конца!— радостно возгласил Ленин, продолжая наносить вражескому королю удар за ударом: 5. ... с 3+ 6. Kpe3 Фа7+ 7. Kpf3 Фf7+ 8. Kpg4.

— И победа!— торжественно произнес Ильич, делая последние ходы и объявляя мат: 7. ... Фf4+ 8. Kph5 Фg5X.

Богданов, хоть и чувствовал, что его самолюбию и репутации лучшего шахматиста русской колонии на Капри нанесен серьезный удар, дружески пожал руку победителю.

— А теперь, друзья, махисты и марксисты,— без разбора,— весело заявил Владимир Ильич,— довольно шахмат, собирайся на вечернюю рыбалку, и там на вольном воздухе сварим к ужину знаменитую каприйскую уху!

Алексей Максимович вспоминал впоследствии:

«Качаясь в лодке на голубой и прозрачной, как небо, волне, Ленин учился удить рыбу «с пальца»— лесой без

В. И. Ленин в гостях у Горького на Капри

удилища. Рыбаки учили его, что подсекать надо, когда палец почувствует дрожь ласы:

— Кози: дринь-дринь. Капиш?

Он тотчас подсек рыбу, повел ее и закричал с восторгом ребенка, с азартом охотника:

— Ага! Дринь-дринь!

Рыбаки оглушительно и тоже, как дети, радостно захохотали и прозвали рыбака:

— «Синьор Дринь-дринь».

Он уехал, а они все спрашивали:

— Как живет синьор Дринь-дринь? Царь не схватит его, нет?».

Незадачливая задача

Владимир Ильич быстро поднялся на четвертый этаж, шагая через две ступеньки и напевая: «Ga ira!» Увидев, что Надежда Константиновна возится с большим ящиком, тщетно сиюсь его открыть, он взял у нее молоток и ласково пожурил ее:

— Разве это допустимо с твоим сердцем? Ты ведь знаешь, что я к двум всегда возвращаюсь из библиотеки...

Посылка пришла из России от родных.

— Так, «Московская городская статистика» — как раз то, что нужно; «Обзор» деятельности уездных землеустроительных комиссий — так, так... А это что?

Владимир Ильич извлек из ящика продолговатый четырехугольный предмет, тщательно завернутый в синюю материю и аккуратно перевязанный красной ленточкой, потряс им в воздухе — раздался своеобразный деревянный стук. «Шахматы!» — подумал Ленин, начал развязывать узелок, но тут зазвонил звонок, и он, стремясь опередить Надежду Константиновну, кинулся к дверям. На пороге стояла, застенчиво улыбаясь, миловидная девушка, не по-парижски одетая: на ней было длинное широкое платье с пышными рукавами, — в Париже носили платья с короткими прямыми юбками и узкими рукавами; из-под допотопной широкополой шляпы пришедшей свободно падали длинные косы, а парижанки давно уже ходили стриженными... Ленин сейчас же узнал девушку.

— Татьяна Федоровна, дорогой мой конспиратор, входите, мы вам очень, очень рады, — сказал он приветли-

во, — мы не виделись с вами с самой конференции в Териоках...

— Ты разбери посылку, — предложила Надежда Константиновна, уводя гостью в кухню, служившую одновременно и столовой и гостиной, — а мы пока потолкуем.

— Не согласен, — заявил Ильич, — посылка подойдет, я хочу послушать Татьяну Федоровну.

Приезжая с удивлением осматривалась вокруг, — квартира Ульяновых поразила ее своими малыми размерами, предельной скромностью обстановки, поразительной чистотой и порядком. Она состояла из двух комнат. В одной из них — простые железные койки, покрытые белоснежными покрывалами, некрашенные столы с аккуратными стопочками книг; в другой — рабочий стол и вокруг стен — деревянные стойки для книг, подымавшиеся чуть ли не до самого потолка; кухня, чистенькая и уютная, была выложена блестящими метлахскими плитками; у окна, выходящего в сад, помещалась газовая плита; вокруг небольшого столика стояло несколько табуреток, и неприятный запах газа не мог заглушить их тонкого соснового аромата... Надежда Константиновна усадила гостью за стол, сама села рядом, а Ленин, засунув руки в карманы пиджака, широко шагая назад и вперед, сосредоточенно вслушивался в каждую фразу, в каждое слово приезжей. Владимир Ильич хотел знать все, вплоть до малейшей детали, если она помогала воссоздать картину партийной работы, вести которую в условиях жестокой столыпинской реакции было особенно трудно. «Нет ничего лишнего, — подбадривал он рассказчицу, — все важно, все имеет значение!»

Особенно радовался Ильич тому, что партийный актив большевистского подполья с большим рвением изучает изданную небольшим тиражом книгу «Материализм и эмпириокритицизм» и что некоторые передовые рабочие смело, с успехом выступают против махистов. Ленин попросил, если возможно, назвать хоть несколько имен, и с радостью повторял: «Александр Буйко — в прошлом рабочий-путиловец, Бублеев с Семянниковского судостроительного завода, работница — ого! и женщины за философию взялись! — работница Поля с фабрики Паля...».

Беседа продолжалась долго. К самому ее концу Иль-

ич, взглянув на девушку смеющимися глазами, лукаво заметил:

— Так вы говорите, что Париж вас ошеломил? А мне кажется, что вы ошеломили Париж! Взгляни-ка на нашу парижанку,— обратился он к Надежде Константиновне.

Татьяна Федоровна смутилась.

— Я получаю от вас, товарищ Ленин, второй урок конспирации, и поделом,— сказала она,— первый раз — в Териоках, когда я разболталась с незнакомым мне человеком о партийных делах; хорошо, что незнакомец, с которым я развязала язык, оказался... вами. И сейчас — понимаю, по моему внешнему виду во мне очень легко узнать политическую из России — вот шпикам и хлеб... уверяю вас, это в последний раз..

Проводив гостью, Ильич вернулся к разбору посылки.

— Да, шахматы,— сказал он,— мама заботлива и внимательна, как всегда!

Он раскрыл коробку и так и застыл на месте. Достал фигурку, стал у окна — Надежда Константиновна заметила, что руки у него слегка дрожали,— внимательно осмотрел ее, потом еще и еще одну и сказал со сдерживаемым волнением в голосе:

— Мама прислала папины шахматы... он их выточил сам... в детстве он с нами играл в эти шахматы.

Владимир Ильич перебирал потемневшие от времени фигуры, прикасаясь к ним с нежностью. Лицо его преобразилось: только что оно отражало сложную гамму переживаний — радость, что революционное движение снова шло в гору, волнение по поводу провалов отдельных звеньев подпольной организации, восторг в связи с тем, что его философский труд все более и более становится достоянием рабочей аудитории, стальную убежденность, непоколебимость в победе... Сейчас оно излучало столько мягкости, теплоты, нежности, словно это был совсем другой человек.

Бережно поставив шахматы на столик, Ленин начал разбирать обильную корреспонденцию.

— Письмо от Мити... Он выздоравливает,— я здесь частенько думал о возможности аварий, когда на велосипеде ездил по центру Парижа, где движение дьявольское. Но в деревне зимой вывалиться так, как он! Должно быть, лошадь была бешеная и езда тоже бешеная. Мигя пишет, что, пока отлеживался, взялся за сочинение шах-

матных задач и кое-что напечатал... Интересно было бы взглянуть... Да вот и «Литературное приложение» к «Ниве» с его задачей—смотри отдел под редакцией Е. А. Зноско-Бровского — это всемирная шахматная знаменитость,— и тут же — «Задача Д. И. Ульянова»... Вот и отлично — я обновлю папины шахматы тем, что на них решу задачу его сына!

Владимир Ильич не высыпал фигуры на стол, как это обычно делают шахматисты, а стал их вынимать по одной, рассматривая их со всех сторон добрыми, словно немного удивленными глазами. Он расставил фигуры на доске одну за другой в боевом порядке, затем обратился к задаче брата. Желая воспроизвести позицию, он водрузил белого короля на f3, черного на e5, взял белого ферзя, но до доски не донес — его внимание снова привлекла диаграмма, присланная братом.

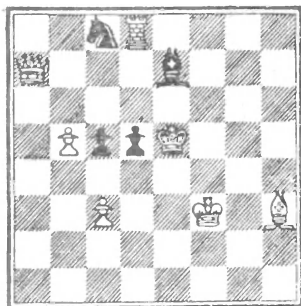
Поразительна была та концентрированная сосредоточенность, с которой Ленин в течение примерно полминуты вглядывался, вдумывался в позицию. Затем решительным жестом закрыл журнал, положил его на стойку, бережно собрал шахматы и сказал:

— Обновить не пришлось — решил по диаграмме... Сегодня напишу Мите.— На лицо Ильича набежало облачко

озабоченности, должно быть, он о шахматах больше не размышлял.— Как ты думаешь,— обратился он к Надежде Константиновне,— не стоит ли заполучить на ваш вечер-концерт шансонье Монтегюса, популярного народного песенника в духе «са іга» и Беранже,— успех будет обеспечен, значит, и сбор тоже. Ведь вечер должен быть не только статьей дохода, но и идейным,— вот Монтегюс и сможет и публику собрать и агитацию провести.

Поздним вечером, когда в доме все утихло, Ильич прервал работу над рефератом и взялся за письма к родным. Брату он написал:

«Дорогой Митя! Получив твою задачку, я чуточку «раззадорился» на шахматы — а то было совсем, совсем все позабыл. Не играл, кажись, год, а

всего за последние годы сыграл несколько «гусарских» и полугусарских партий. Задачку твою я решил легко — Лd8 — d6... Ну, как идет выздоровление? Вполне ли выправились нога и лопатка? Скоро ли опять ходить и ездить будешь?»

В письме к матери он сердечно благодарил за присылку отцовских шахмат, сообщал, какую радость они ему доставили, и упоминал о том, что играть ему здесь придется совсем редко — «разучился, должно быть, вовсе».

«Красивая штука»

Заслышав быстрые и легкие шаги, консьержка подумала: «Это — с четвертого этажа, из двухкомнатной, — квартирант не богат, но весьма любезен...».

— Месье Ульянов, вы точны, как само время — сейчас ровно восемь, — сказала она, отвечая на приветствие.

— Не переставили ли вы моего велосипеда? — спросил Владимир Ильич.

— Месье Ульянов вчера явился домой без велосипеда...

«Месье» Ульянов на секунду остановился — экая неприятность! Вчера он, как обычно, добрался на велосипеде до Национальной библиотеки и оставил его в парадном близлежащего дома у консьержки на время, пока он будет работать в библиотеке, заплатив ей, как всегда, десять су. А потом не нашел велосипеда на месте, а консьержка заявила, что деньги она получала за разрешение поместить предмет в парадном, а вовсе не обязывалась следить за его сохранностью... Придется сегодня добираться до места частью пешком, частью трамваем...

Владимир Ильич извинился за беспокойство, попрощался и, выйдя на маленькую улочку, стремительно зашагал к Зеленой дороге. Небольшого роста, одетый в скромную черную пару, сверкая ослепительно белой манишкой, он шел, в такт шагам то закидывая голову назад, причем небольшая рыжеватая бородка немного взлетала вверх, то склоняя ее к правому плечу, пристально вглядываясь в пестрый, многообразный мир парижских улиц, перекрестков, переулков, площадей пронизательными, словно смеющимися глазами.

Вот он вышел на бульвар Распай, решив сегодня не пользоваться услугами городского транспорта. Он радо-

стно улыбался, вспоминая концертный вечер в зале по улице Дантона, в Латинском квартале, аплодисменты, которые вызвал своими песенками любимец предместий Парижа Монтегюс, сын коммунара. В памяти вспыхивали отрывки его куплетов, в которых сквозь обывательскую сентиментальность порою пробивалась острая, подлинно революционная сатиричность:

Славно, парень, говоришь,—
Что ж, пошлем его в Париж!

Ум короток, долгов волос,—
Голосит в беде народ:
Депутат в палате голос
Не народу отдает!
Наш избранник стал богат,
Церкви — друг, министрам брат...

В библиотеке Владимира Ильича ожидали обычные огорчения, к которым он не мог привыкнуть и каждый раз нервничал, сердился, ибо они тормозили срочную насущную работу: вчерашнюю стопку книг куда-то заложили и никак не могли найти, а новые заказы еще не были выполнены. Правда, газеты из России были к его услугам.

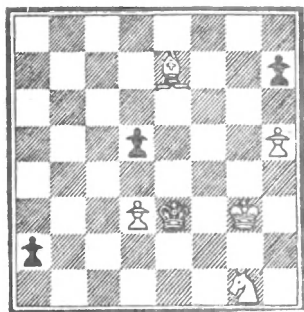
Ленин читал очень быстро: казалось, он только бегло взглянул на страницу, а на самом деле она уже была внимательно прочитана и все существенное запечатлено в памяти.

... В «Утре России», «Русском Слове» — пошлый вздор насчет Горького. Парижская «Л' Эклер» и «Берлинер Тагеблатт» соревнуются, кто соврет удачнее. Черносотенному «Новому времени» сам бог велел — «исключение» Горького... Сегодня и кадетская «Речь» упражняется в фабрикациях подобной сплетни...

Строка ложилась к строке, перечеркивалась, снова писалась, — складывалась заметка, бившая клеветников не в бровь, а в глаз — «Басня буржуазной печати об исключении Горького»: «... буржуазные газеты Франции, Германии и России смакуют самую сенсационную новость: исключение Горького из социал-демократической партии... Источник этой сплетни ясен: какой-нибудь борзописец, услышав краем уха о разногласиях в связи с отзовизмом и богостроительством, безбожно переврал обрывки сведений и «славно заработал»... Напрасно стара-

ются буржуазные газеты. Товарищ Горький слишком крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира, чтобы ответить им иначе как презрением».

Ленин перечел написанное еще и еще раз, внес поправки, дополнения. «Теперь, кажется, как надо...» Чтобы немного успокоиться и отдохнуть, он стал просматривать последние страницы газет. Взгляд его привлекла шахматная диаграмма, помещенная в «Речи». «Этюд братьев Платовых...» Произведения Платовых были известны Ильичу, не раз он решал их в петербургских, московских, рижских газетах.

— Черная пешка за ход до превращения в королеву, белые начинают и выигрывают... Посмотрим, в чем дело.— И Ленин начал по диаграмме решать этюд.

— Ферзя выиграть можно очень просто: 1. Cf6 d4 2. Kf3 a1Ф 3. С:d4+ Ф:d4 4. К:d4 Кр:d4. Теперь черный король должен потерять темп на взятии белой пешки, а белый король

тем временем заберет черную пешку и можно будет попытаться провести белую в ферзи. Итак, в добрый путь: 5. Кр f4 Кр : d3 6. Крг5 Кре4 7. Крh6 Крf5 8. Кр: h7 Крf6... Э, батенька, куда это ты разогнался?! Ведь на продвижение белой пешки черные сыграют королем на f7, и белый король окажется взаперти. Проверим еще раз! Да, так и получается. Значит, выигрыш ферзя к победе не ведет, очевидно, это не решение, а ложный слел. В чем же дело?

Твердо следуя отцовской поговорке «делу — время, потехе — час». Владимир Ильич, как только заказ его на новые книги был выполнен, отложил в сторону газету с оставшимся нерешенным этюдом. Однако, когда он взялся за чтение и выписки, в памяти упрямо всплыла столь простая по виду и столь сложная по существу позиция. Небольшое волевое напряжение — и назойливая диаграмма была решительно зачеркнута в уме, повседневная библиотечная работа вошла в свою колею...

Когда Ленин вернулся, Надежды Константиновны

дома не было, она оставила записку, что отправилась на прогулку в парк Монсури и что завтрак ему готов... Владимир Ильич взял отцовские шахматы, родные и любимые, хоть и постаревшие, и расставил позицию этюда Платовых. В течение нескольких минут он всматривался в положение, затем стал мысленно передвигать фигуры; видимо, снова попавшись на ложный след, придя к уже известному ничейному финалу, отрицательно крутнул своей большой головой, усмехнулся и, разведя руками — делать, мол, нечего, решительно ухватил слона и начал разыгрывать этюд на доске.

«...Первый ход все-таки правилен (1. С f6)... и у черных — единственный ответ (1. ...d4.) Напасть на пешку d4 конем можно не только с f3, но и с e2... С e2 — жертва коня, но жертва кажущаяся: если черные примут ее, то после взятия пешки слоном их проигрыш более чем очевиден. — Что ж, попытаемся, попытка — не пытка...».

Владимир Ильич неуверенно поставил коня на e2.

«Черные, разумеется, должны превратить пешку в ферзя. Вдумаемся в положение: выиграть ферзя за слона и коня — повторение пройденного — ложный след. Однако ферзь готов вступить в бой, и тогда не то что о выигрыше, о ничьей белым и мечтать не придется! Шах слоном? — какая чепуха! форсированного продолжения у белых явно нет... Заметим, что черный король весьма стеснен; если пойти конем так, чтобы запитить белую пешку, то он будет зажат еще основательней... Ну хотя бы конем на f4? Эх, не будь перекрыта линия, грозил бы мат слоном на g5... А если пойти с той же целью конем на c1?.. Шахов ферзем нет, брать ферзем коня нельзя, шах слоном — и ферзь летит; пойдет король на d2 — «вилка» конем на b3... А мат грозит ему в окно, — как шутил, бывало, отец... После 4... h6 5. С e5 с неизбежным матом на f4. Если ферзь возьмет под защиту поле g5, став на a5?... Эврика! — радостно воскликнул Ильич: — прекрасная комбинация, великолепный замысел! — Итак, 3. К c1!! — неожиданная жертва коня, — продолжал размышлять Ильич. — 3. ... Ф a5 и на это белые отвечают эффектной жертвой слона на d4! — шах, и возьмет ли король слона, пойдет ли на d2, все равно белый конь вилкою подкалывает ферзя, после чего белые без труда выигрывают».

В комнату вошла Надежда Константиновна, обвешан-

ная покупками; Владимир Ильич, отстранив доску, побежал к ней.

— Зачем столько на себе несла,— говорил он ласково, притворно-ворчливо,— почему мне не сказала — я бы все купил?

— А ты только вернулся и сразу — за шахматы... Почему не разогрел себе завтрака, голодный играешь?

— Представь себе, просматривая сегодня газеты, в «Речи» увидел этюд, который не мог сразу решить. По диаграмме ничего не получилось, и только вот здесь удалось найти решение. Этюд мне очень понравился — красивая штука!

И Владимир Ильич урывками объяснил занятой хозяйственными хлопотами Надежде Константиновне, почему ему так пришелся по вкусу этюд братьев Платовых.

— Но ты не думай, что за шахматами я обо всем забыл,— добавил он и протянул жене густо исписанный листок — ответ клеветникам на Алексея Максимовича.

Вечером Владимир Ильич и Надежда Константиновна направились к площади у Орлеанских ворот, в кафе, где происходили собрания проживавших в Париже большевиков.

— Время еще есть, прогуляемся немного,— предложил Ильич,— к тому же Париж кишмя кишит царскими шпиками, не вредно их со следу сбить...

Переулками они вышли на улицу Алезии. Когда подошли к площади, Ленин, указывая взглядом на церковь Сен-Пьер де Монруж, рассказал:

— В последние дни Парижской Коммуны здесь вот поперек шоссе Мэн была воздвигнута баррикада. Горстка коммунаров обороняла ее от ворвавшихся в город версальцев Тьера. На эту колокольню взобрались несколько парижских гамэнов и открыли несусветную пальбу по тылам карателей. Живыми в руки палачей они не дались: оставшись без патронов, они вступили в рукопашный бой в узких пролетах церкви и, погибая, перебили изрядное количество врагов...

Собрания происходили в верхнем зале кафе де ла Манийер с зарешеченными окнами, задернутыми молескиновыми занавесями. Никто не повернулся в сторону входящих — так все были увлечены шахматным сраже-

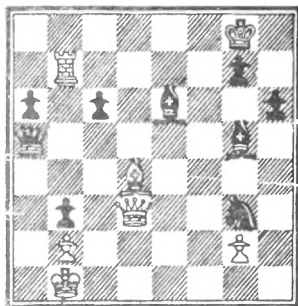
нием. Ленин, усадив Надежду Константиновну за свободный столик, тихо подошел к играющим, стараясь через головы «болельщиков» при неярком свете газовых рожков рассмотреть положение на доске.

— Несколько предсмертных шахов, и мне остается только сдать, — уныло констатировал предводитель белых сил. — Начнем, что ли, новую?

— Погодите сдаваться! — Все узнали задорный грудной голос: — Нужно пожертвовать ферзя, и черным крышка!

Ленина пропустили к доске.

— Сдаваться следует черным! — продолжал Ленин, — противники не заметили комбинации, именуемой в шахматах «мельницей»: 1. Фh7+!! Кр:h7, 2.Л:g7+Кph8 3.Л:g5+Кph7. 4.Лg7+Кph8 5.Л:g3+Кph7 6.Лg7+Кph8 7.Лg5+Кph7 8.Л:a5, и белые безусловно выигрывают.

Ленин пододвинул плетеное соломенное кресло к шахматному столику, уселся поудобнее, энергичным движением сгреб фигуры с доски. Теперь здесь находился центр, вокруг которого сгруппировались присутствующие. Ленин говорил:

— Видите, насколько нельзя доверять первому впечатлению, видимости. Даже в такой условной штуке, как шахматы, необходимо вникать в сущность вещей.

Почти не глядя на доску, он машинально выбирал фигуры из общей груды, расставлял их, не переставая говорить: — Как пели некогда в средние века дальние предки нынешних гамэнов — ваганты, странствующие поэты, бежавшие от гнета католической церкви, пели по-латыни, ибо на языке народа слагать стихов еще не научились —

*Mel proponunt alii, fel supponunt mellī,
Pectus subest ferreum deaurate pelli.
Et leonis spoliū induunt aselli.*

По-нашему это означает:

В мед, что угощают нас, желчь нередко влита,
Часто грудь железная позолотой скрыта,
Как и львиной шкурою у ослов копыта...

И нам необходимо научиться узнавать желчь, которой нас потчуют под видом меда марксизма рядящиеся в львиные шкуры ослы отзовизма, богостроительства, эмпириокритицизма, дипломированные лакеи буржуазии, проповедующие под видом «чистой науки» идеи истине рабовладельческие...

Заметив в этот момент, что в помещение вошел неизвестный и, сев за столик у дверей, начал искоса посматривать в сторону собравшихся, Ильич наклонился над доской, на которой он машинально расставил позицию столь пленившего его этюда, и, не прерывая хода мысли, продолжал:— Если вы, друзья, решая этот этюд, клонете на удочку очевидности, если вы поверите видимости, то попадетесь на ложный след, как это сперва приключилось и со мною...

И Владимир Ильич рассказал, как он решал этюд Платовых и продемонстрировал на доске, как черный король запирает белого в углу.

— Но если мы проникнем в глубину замысла, то хоть и не без труда, найдем подлинную его сущность.

И Владимир Ильич, поглядывая в сторону подозрительной личности, показал и объяснил ход за ходом найденное им решение. А когда незнакомец, которому, видимо, надоели шахматные термины, допил свою кружку пива и вышел вон, Ильич, улыбаясь, заметил:— Вот в этом роде бывает и у нас: преподносят нам распронастоящий что ни на есть «марксизм», по виду для неискушенного ума все в порядке, а копнешь чуть в глубину, так самой махровой реакцией, идеализмом, поповщиной запахнет!

Легенда о Пилате

В конце сентября 1911 года Ленин должен был принять участие в заседании Международного социалистического бюро в Цюрихе и выступить с злободневным рефератом в крупных городах Швейцарии.

Владимир Ильич чувствовал себя утомленным: совсем недавно он закончил чтение большого цикла лекций по политической экономии, земельному вопросу, теории и практике социализма в организованной им в Лонжюмо, под Парижем, партийной школе, а тут предстояла упор-

ная борьба с оппортунистами различных мастей и оттенков, впереди были разъезды, выступления, встречи, споры...

Ленин списался со своим давним знакомцем, юристом по профессии, революционером по призванию, которого он знал еще со времен первого приезда в Швейцарию. Они повстречались в Люцерне, и там Ильич решил провести денька два-три на отдыхе.

Ленин отдыхал по-своему. Забыв обо всем на свете, он превратился в заядлого туриста. Прогулки по Люцерну с его глетчерным парком, где в миниатюре можно было увидеть все формы и процессы жизни гор, с его музеем мира, с его знаменитым львом, высеченным рукою скульптора в скале, с осколком копья в боку, умирающим, но не сдающимся — символом верности швейцарцев, сменились далекими пешеходными экскурсиями — от Бруннена, местечка, расположенного у подножья двух причудливых — узких и длинных — смежных гор с поэтическим названием — Мифы, по Аксенштрассе вдоль берега озера до Альтдорфа; от Веггиса до Кюснахта, а оттуда по своеобразному туннелю, образованному кронами вековых деревьев, к живописному Цугскому озеру. Эти места привлекали Владимира Ильича тем, что они были связаны с памятью о легендарном народном герое Швейцарии Вильгельме Телле, борце против чужеземных поработителей: в Альтдорфе памятник изображал Телля, смело глядящего в глаза деспоту и заявляющего, что запасная стрела была предназначена для него; внизу под Аксенштрассе у самого берега стояла часовня — здесь Телль выпрыгнул из лодки в страшную бурю, оставив Геслера и его свору на волю волн и молний; другая часовня была сооружена в зеленом туннеле близ Кюснахта, на том месте, откуда Телль пустил смертоносную стрелу в сердце тирана... От Буокса, приткнувшегося к склону пирамидальной горы городка, насквозь пропахшего сложной гаммой запахов изготавливаемого здесь сыра всех сортов, друзья совершили поездку на катере к излучине озера Четырех Кантонов, чтобы полюбоваться одной из своеобразнейших достопримечательностей Швейцарии — оторвавшийся от крутого скалистого мыса огромный монументобразный камень стоямя упал в озеро; серый, слоистый, поросший вверху косматым мхом, он был прев-

ращен в грандиозный естественный памятник—надпись, сделанная на нем рельефными золотыми буквами, гласила: «Певцу Телля Фридриху Шиллеру — благодарная Швейцария»...

Товарищ предложил Ильичу завершить экскурсию восхождением — пешком или по зубцовоколесной железной дороге — на знаменитую гору Риги, не отличавшуюся ни высотой, ни трудностями подъема, но зато славившуюся тем, что с нее открывался изумительный по широте и дальности вид чуть ли не на половину страны, на тринадцать озер... Но Ленин решительно запротестовал.

— Красота Риги давным давно продана и оптом и в розницу иностранцам-туристам, — сказал он, — взберемся лучше на Пилатус.

— На Пилатус? — испугался приятель, — да ведь там один из труднейших подъемов!..

— Тем лучше, — улыбнулся Ильич. — Перед Цюрихом и перед турне по Швейцарии с рефератом не мешает потренироваться в преодолении всяческих трудностей, — это будет для меня самым хорошим отдыхом. Итак, решено: возвращаемся в Люцерн, посмотрим еще раз фрески на Кривом мосту, интереснейшем памятнике средневековья, а на рассвете — в путь-дорогу, на штурм Пилатуса. Только помните — пешком и напрямки!

Спутник Ленина был страстным шахматистом, готов был играть и в самые крошечные карманные шахматшки, и вслепую — как угодно, но сколько он ни уговаривал Ильича сразиться хоть разок, тот наотрез отказывался.

Город еще мирно дремал, утопая в туманной дымке, медленно исчезающей в лучах солнца, запоздало пробивавшегося сквозь хребты, когда друзья начали подъем на Пилатус, вознесшийся в неприступную, казалось, высь своими острыми черными скалистыми пиками. Широкое пологое шоссе, проложенное по окружающим Люцерн небольшим возвышенностям, перешло вскоре в узкую туристскую тропу. С каждым шагом тропа становилась все круче и круче. При малейшей возможности восходители по указанию Ильича «резали» углы, «отсекали» переходы, двигались напрямик вверх. Владимир Ильич «прокладывал» путь, а его спутник хоть и был лет на десяток моложе, едва поспевал за ним.

Впрочем, Ильич заботился о том, чтобы привалы делались планомерно, и его друг избавлялся от сердцебиения и одышки.

На первом же привале спутник пытался вернуться к разговору о шахматах, прославляя их замечательные свойства и всячески подбивая Ильича согласиться хотя бы на одну «партийку».

— Ладно, уговорили, — сказал, лукаво улыбаясь Владимир Ильич, — капитулирую, — доставайте ваши дорожные...

Но сколько ни рылся его друг в своем рюкзаке, куда он с вечера заложил шахматы, он не смог разыскать ни фигурки.

— Куда же они девались? — бормотал он огорченно, — я отчетливо помню, что сунул их сюда... Нет, вот в этот карманчик... И здесь их нет...

Ленин громко рассмеялся, и тогда друг его понял наконец, каким чудом исчез крошечный дорожный комплект.

— Не отвертеться вам, Владимир Ильич. — За похищение чужой собственности с корыстными целями высокогорный суд приговаривает вас к партии вслепую...

— Вслепую? Нет уж, увольте, — сказал Ильич. — Помню, брат Александр любил играть вслепую — сразу со мною и еще с двумя, а то, бывало, — объявляет ходы и в это же время играет на бильярде в пять шаров и счет ведет за себя и за противника. Вообще же я решительный противник подобного фокусничества с шахматами: оно превращает чудесную игру, изобретенную человеком для умственного отдыха и тренировки ума, в бессмысленный, изнуряющий, поистине сизифов труд... Нет, вы лучше вдохните в себя поглубже этот замечательный, пахнущий льдом и солнцем воздух, и полюбуйте с каждым шагом все шире раскрывающейся панорамой. Не правда ли, озеро становится похожим на дремлющее чудовище: у Люцерна — голова, к северу и к югу от него — лапы, а там к востоку с поворотом на юг распластался огромный хвост...

Заметив, что его спутник не на шутку огорчен отказом от игры вслепую, Ленин, закидывая на плечи рюкзак, весело произнес:

— Впрочем, и у этого вида шахматного спорта имеются некоторые достоинства. Так, к примеру, при игре

вслепую не может произойти инцидента, случившегося на моих глазах на шахматном вечере в Самаре.

Указав энергичным жестом на возможность срезать зигзаг тропы и поддерживая своего спутника на крутом подъеме, Ленин оживленно продолжал: — Вообразите себе двух солидных партнеров, толстых-претолстых; оба они шумят, спорят, горячатся, берут ходы обратно. Вот один из них нечаянно подставил под бой королеву; другой в мгновение ока схватил ее и крепко зажал в кулаке. Потерпевший кинулся на него, стараясь отнять утраченную фигуру, поднялся невообразимый шум, крик, хохот. Тут я не выдержал и крикнул «победителю»: «Спрячьте ее поглубже в карман!»... Разумеется, при игре вслепую схватить у противника или отнять фигуру невозможно.

Спутник, слушая рассказ Ильича, заразительно смеялся, но мысль о партии вслепую да еще на небывалой для шахмат высоте становилась все настойчивей, приобретала характер навязчивой идеи. На очередном привале мольбы и уговоры возобновились.

— Согласен, согласен, — улыбаясь, сказал Ильич, — но только при одном условии: если вы объясните мне, почему гора, которую мы попираем ногами, называется Пилатус, или, по-нашему, Пилат?

Собеседник растерялся и промямлил что-то невнятное; Ленин не без иронии заметил:

— Э, батенька, да вы не только происхождение сего названия объяснить не в силах, вы, видимо, и о мифологическом Пилате понятия не имеете, о правителе Иудеи, который по свидетельству всех четырех евангелистов, немного посомневавшись, все-таки выдал Христа на расправу, умыв предварительно руки... Так вот, этот самый Понтий Пилат, терзаемый угрызениями совести, взобрался на эту самую гору и с верхушки кинулся головой вниз. Благодарное потомство увековечило память о сем геройском деянии тем, что окрестило его именем нашу вершину... Что касается меня, то я считаю сей миф малоубедительным: будь я на месте Пилата, то, увидев всю эту потрясающую красоту, непременно возжелал бы жить еще пуще прежнего!

— Как все-таки мощно воздействие предрассудков на сознание людей, — заметил собеседник, с интересом выслушав легенду о Пилате-самоубийце, — и как нами

мало сделано в области антирелигиозного просвещения человечества.

— Антирелигиозное просвещение нужно вести умеючи,— сказал Ленин.— На меня в юности большое впечатление произвел рассказ Анатоля Франса «Прокуратор Иудей», как раз о Понтии Пилате, герое местного сказания. Пилат на старости лет встретился на римском курорте со своим другом тех давних времен, когда он правил римской провинцией Иудеей: они вспоминали все, что угодно, болтали обо всем что угодно, но только не о Христе. А когда приятель спросил Пилата, помнит ли тот Иисуса, Пилат напряг память и ответил: «Иисус? Назарей? Не помню». Рассказ рассчитан на культурного читателя, и, я думаю, нашим богоискателям и богостроителям не мешало бы его прочесть.

Туристы достигли станции зубчатоколесной железной дороги, и спутник, жалуясь на большую усталость, стал умолять Ильича воспользоваться ее услугами, хотя бы на небольшом оставшемся им до вершины, но самом крутом отрезке пути. Ленин безнадежно махнул рукой — друзья уселись в косоустановленный вагончик, зубчатое колесо весело заверещало, и полулифт-полупоезд, до отказа наполненный туристами, пополз вверх по крутой скале.

Удивительный оптический обман: когда Владимир Ильич взглянул вниз, ему показалось, что вагончик движется по совершенно ровной поверхности, а весь мир вокруг перевернулся под углом градусов в пятьдесят! Друзья не сразу смогли приспособить свои глаза к необычным плоскостям зрения, обусловленным наклонным положением вагончика: в первый момент даже страшно стало...

С вершины Пилатуса альпийский мир распахнулся во всю свою ширь. Зеленые холмы, морщинистые скалистые хребты, величественные снеговые вершины, зеркала больших и малых озер в своеобразной хаотической гармонии открылись глазам наших путешественников.

— Посмотрите,— воскликнул Владимир Ильич,— как прекрасен в своей грозной сказочности гордый Титлис с разительным контрастом между венчающей его чело снежной папахой и иссиня-черным боковым обрывом! А вон там вдали — сверкающая продолговатая ящерица, уходящая головой в туман — это Цюрихское озеро и

самый большой город Швейцарии — Цюрих, куда завтра мы направим наш путь.

— Да, все это очень красиво, а партия вслепую все-таки за вами!

— Я вижу, вы нисколько не боитесь, что гору вместо имени Пилата чего доброго назовут вашим именем! — воскликнул Ильич.

— Почему моим именем?

— Потому что вы рискуете быть сброшенным мною в пропасть!

— Ну хоть одну — на спуске, — ведь мы уже все видели и перевидели...

— Ваше упорство вынуждает меня уступить. Хорошо, я согласен вслепую, только не партию, а кое-что другое, тоже шахматное: я вам продиктую позицию — шутивную задачу нашего соотечественника Шумова, мастера изобразительных шахмат, и если вы ее решите без доски, то по возвращении в отель будете премированы партией, которую мы сыграем с вами перед отъездом из Люцерна.

— Решу, непременно решу! Диктуйте.

— Только на спуске, а спускаться мы будем, во избежание повторения уже увиденного, по юго-восточному склону, в сторону Альпнахштадта, — оттуда до Люцерна рукой подать.

— Смотря чьей рукой... Впрочем, я согласен.

В то время как туристы-иностранцы точно по команде отправились в непререкаемый для популярных швейцарских вершин ресторан, друзья извлекли из рюкзаков свой скромный завтрак — пахучий сыр да крутые яйца, земмели — крошечные подрумяненные булочки — и бутылку молока, — подкрепились, отдохнули и по узкой дорожке, протоптанной в черных базальтах Пилатуса тысячами пешеходов, начали спускаться.

Ленин продиктовал задачу, которую его спутник должен был решить вслепую.

Решатель потребовал внеочередного пятиминутного привала, Ильич не стал возражать. Шахматист, закрыв глаза, погрузился в молчаливое раздумье.

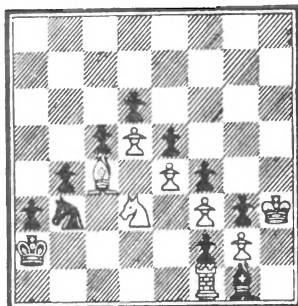
— Пять минут про... — начал было Владимир Ильич.

— Решил — по моим часам еще две секунды: король идет через поля — g4—f5 —e6 —d7—c6— b5 на a4 и следующим, восьмым, ходом белые объявляют мат слоном

на в3. Марш короля действительно весьма выразителен и картинен.

— А знаете ли вы, как автор назвал эту свою задачу? «Переход через Балканы». Задача была составлена во времена русско-турецкой войны конца семидесятых годов,— следовательно, имелся в виду переход через Балканы русской армии, наносящей мат турецкому султану. Неплохо владея стихом, Шумов написал к задаче и пояснительное стихотворение:

Герои перешли Балканы!
Ужасный путь их не был скор:
Мороз, и турки, и бураны.—
Все вражьи силы грозных гор,
Соединясь в преграды злые,
Стремилась тщетно восемь дней
Расстроить силы удалые,
Остановить богатырей.
Побеждена сама природа!
А дальше — все возьмет булат!
Но здесь мы до восьмого хода
Дойдем легко — и черным мат.

Мне кажется,— закончил Ленин,— что мы, принимая во внимание рисунок движения белого короля, могли бы применительно к нашему путешествию перекрестить название шумовской задачи— «Подъем на Пилатус и спуск с него»!

ОТ ШАХМАТ ПЕРЕИДЯ К ВРАГУ

От шахмат перейдя к врагу...

На пути к Смольному Лепешинский чувствовал, как волнение все больше и больше охватывает его — предстояла встреча с Владимиром Ильичем, с которым он не виделся со времени второй эмиграции.

Прошло около месяца с того поворотного в истории человечества дня, когда на весь мир прозвучали слова Ленина: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась... В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства. Да здравствует всемирная социалистическая революция!» Да, с тех пор прошло совсем немного времени, а новая жизнь уже властно вступала в нормальную колею, — Пантелеймон Николаевич на каждом шагу по прибытии в Петроград убеждался в этом: проходил ли он мимо красногвардейца-рабочего, строго стоявшего на посту с винтовкой, встречался ли с людьми, спешившими с бумагами взад и вперед — деловито, без суетни, получал ли разъяснения, как подняться на третий этаж, где находилась приемная председателя Совета народных комиссаров...

Лепешинский миновал небольшую приемную, перегороженную на неравные части двумя деревянными диванами; после проверки документов его пропустили в совнаркомовскую канцелярию — тут стучала пишущая машинка, обстановка была столь скудной — три простых стола, несколько стульев, два шкафа с делами, — что большая комната производила впечатление пустой; посетитель повесил верхнюю одежду на вешалку у самых дверей кабинета, сколоченную явно наспех.

Ленин сидел за столом и быстро писал. Когда скрип-

нула дверь, он оторвался от работы и бросился навстречу старому другу. Они обнялись и расцеловались.

— Не стойте на полу,— заботливо произнес Ленин,— снизу сильно дует,— можете простудиться... Садитесь вот сюда!

Ильич потянул Лепешинского к ковру и усадил в глубокое мягкое кресло, а сам поместился у стола на своем деревянном и забросал друга вопросами о том, как ему удалось задержать в Орше многочисленные вооруженные эшелоны, которые направлялись к Петрограду в помощь Керенскому.

Разговаривая с Лепешинским, Ленин вертел в руках небольшую изящную деревянную шкатулку, пытаясь открыть ее; упрямая крышка не поддавалась его мягким усилиям, и он поставил шкатулку на стол в сторону.

— А помните, Владимир Ильич, как вы нанесли поражение «Антанте?» — улыбаясь, вспоминал Лепешинский.

— К сожалению, еще не нанесли...— возразил Ленин, вопросительно взглянув на собеседника.

— Как не нанесли? Да «Антанте» — в лице Глеба, Базиля и вашего покорного слуги — мы были уверены в вашем проигрыше, а вы нам показали, где раки зимуют.

— А, вы о шахматах... Припоминаю, в Шу-шу-шу... Как давно все это было... Теперь перед нами остатки настоящей «Антанты» в лице Англии и Франции да еще плюс милитаристская Германия. Мы обращаемся к сознательным рабочим этих стран, к рабочим Англии, где было чартистское движение, к рабочим Франции, неоднократно в восстаниях показавшим всю силу своего классового сознания, к рабочим Германии, вынесшим борьбу с законом о социалистах.

Дверь приоткрылась, и сотрудница Совнаркома, ведавшая приемом, спросила, можно ли войти товарищу Петрову.

— Петрову?— удивился Ленин и сейчас же на его лице появилось выражение недовольства.— Почему вы еще здесь, Иван Павлович?— обратился он к вошедшему,— я полагал, что вы уже далеко отсюда, в Вологде, и гоните нам хлебные эшелоны.

Смущенный Петров объяснил, что ему о поездке стало известно только что, и заговорил о том, что у него здесь важные дела и лучше было бы в Вологодскую губернию его не посылать.

— Вы, видимо, не понимаете до конца значения хлеба для победы революции,— резко, с оттенком укоризны сказал Ленин,— вы думаете, должно быть, что рабочих можно накормить одной агитацией? Для нашей полной победы нужна и агитация и хлеб. Сумейте свои способности агитатора использовать, добывая революции хлеб.— Владимир Ильич прищурил глаза, улыбнулся и совсем другим тоном дружески сказал: — Теперь вы понимаете необходимость вашей поездки?

— Понимаю, Владимир Ильич, понимаю и немедленно же еду.

— Вот и хорошо.— Ленин подошел к Петрову, крепко пожал ему руку и, прощаясь, напомнил:— Возьмите мандат и — поезжайте — в Вологду, Вятку, Котлас...

Только беседа друзей, прерванная появлением Петрова, возобновилась, как из приемной донеслись громкие голоса,— Ленин подошел к дверям и прислушался.

— Мы делегаты от путиловцев... Нечего нас посылать в Наробраз... Доложите Ленину...— долетало из приемной.

Ленин решительным движением толкнул дверь.

— Путиловцы пришли!— воскликнул он.— Проходите, товарищи.

В кабинет вошли двое. Лепешинский заметил, что у одного из них руки были грубоватые — рабочие, а у другого — выхолненные, с тонкими, гибкими пальцами.

— Мы — относительно детской художественной студии,— сказал рабочий-путиловец,— а это наш педагог по музыке, товарищ Плотников Михаил Александрович.

— Присаживайтесь, товарищи,— захолопотал Ильич, подвигаясь со своим стулом к посетителям и поглядывая на них приветливо,— выкладывайте, в чем дело... Ваше имя?— обратился он к рабочему-путиловцу.

— Фомин,— сказал тот, и, заметив, что Ленин не спускает с него вопросительного взгляда, прибавил:— Александр Андреевич. Дело у нас такое. Задумали мы с товарищем Плотниковым, с благословения завкома, при заводской школе детскую художественную студию организовать. У многих из нас ребяташки — кто поет, кто на различных инструментах по слуху играет... Прежде детям рабочих развивать свои дарования было невозможно, теперь времена иные... Вот мы и стали хлопотать о помещении, о рояле, о струнных инструментах. Исполком районного Совета свое согласие дал без колебаний, а в

Наробразе, хоть нас и выслушали внимательно, все же заявили: «Идею вашу мы, товарищи путиловцы, одобряем, но, сами понимаете, время сейчас тяжелое — нет ни топлива, ни хлеба, — а вы со своей студией... Придется годик подождать». У Михаила Александровича и руки опустились, а я ему: «Не унывай, своего добьемся! Сходим-ка в Смольный к Ленину...» А тут секретарь ваш тоже выслушал нас внимательно, а потом посоветовал обратиться — куда бы вы думали? — в Наробраз!

Ленин вскочил, взволнованный, и, заложив левую руку за жилет, правой взмахивая карандашом, быстрыми шагами прошелся взад и вперед по комнате.

— Вы слышите, что путиловцы хотят? — обратился он к Лепешинскому. — Они хотят создавать свою трудовую интеллигенцию, а им говорят: «Подождите годик!» Никаких промедлений — студию надо организовать сейчас же! Пока я созвонюсь с Наробразом, просмотрите вот это, — обратился он к Лепешинскому, протягивая ему исписанный листок со стола.

Лепешинский прочел: «О задачах публичной библиотеки». — «Чтобы разумно, осмысленно, успешно участвовать в революции, надо учиться. Библиотечное дело поставлено у нас, в силу многолетней порчи народного просвещения царизмом, из рук вон плохо. Немедленно и безусловно необходимы следующие основные преобразования... Публичная библиотека (бывшая императорская) должна немедленно перейти к обмену книгами как со своими общественными и казенными библиотеками Питера и провинции, так и с заграничными библиотеками... Читальный зал библиотеки должен быть открыт... ежедневно, не исключая праздников и воскресений, с 8 утра до 11 вечера... (И как это Ильич успевает обо всем подумать, все предусмотреть, вникнуть в самые мельчайшие детали!) Потребное количество служащих должно быть немедленно переведено в Публичную библиотеку...»

— Ну, вот мы обо всем и договорились, — раздался радостный, гортанный голос, — отправляйтесь, друзья-путиловцы, к заведующему Наробразу, и вы получите все, что вам потребуется.

Взволнованные и обрадованные путиловцы горячо поблагодарили Ильича...

— И вас все время так отвлекают от работы? — спросил Лепешинский, кладя на стол рукопись.

— Почему отвлекают? — удивился Владимир Ильич. — Проведение культурной революции, создание нашей интеллигенции — важнейшие задачи эпохи...

— А что, Владимир Ильич, не сыграть ли нам в шахматышки? — шутливо спросил Пантелеймон Николаевич, — помните-то старые шушенские времена.

Ленин рассмеялся своим по-детски неудержимым, раскатистым, заразительным смехом. — Нет уж, увольте, — сказал он, весело улыбаясь, — по возвращении я совершенно забросил шахматы, — эта игра слишком захватывает и мешает работать. Вот придумали! — Он снова расхохотался. — Нет, теперь уж не до шахмат. — Играть больше, вероятно, не придется, — от сражений за шахматной доской мы надолго перешли к настоящим битвам... Кстати, мне пора — сегодня заседание Петроградского Совета совместно с представителями фронта, необходимо выступить. Я набросал основные положения, — Ленин взял со стола еще один исписанный листок, побольше чем первый. — Как вы думаете — «Мы считали первым долгом нашего правительства предложить мир немедленно, и это сделано...» — тут о переходе власти в руки Советов: всему народу следует учиться управлять... «Помещичья собственность на землю отменена... Трудовому крестьянину надо помочь, среднего не обидеть, богатого принудить...». — Поедем со мной за компанию, Пантелеймон Николаевич, а?

И Ленин взял друга под руку и повел его к выходу. В дверях вытянулся человек в матросской форме.

— Товарищ Мальков, Павел Дмитриевич, — сказал Ленин, — наш комендант, познакомьтесь...

— Машина подана, — доложил комендант Смольного.

— У меня к вам большая просьба, товарищ Мальков, — сказал Ильич, указывая на свой стол, где сбоку стояла деревянная шкатулка. — Если у вас найдется немного свободного времени, попытайтесь открыть эту шкатулку, а то у меня никак не получается. Только, пожалуйста, поосторожнее, я очень дорожу ею — тут письма от моей мамы.

— Владимир Ильич, я сейчас же сделаю, — заспешил Мальков.

— Зачем же сейчас? Что вы? — остановил коменданта Ленин, — когда время будет, тогда и откроете.

Ленин и Лепешинский, одевшись, вышли. Комендант, ступая на цыпочках, вошел в кабинет и бережно, осторожно, сдерживая дыхание, взял шкатулку...

Отступить, чтобы победить!

Из-за густых зарослей парка, утратившего полностью ту причесанность, какую он имел при старом владельце — московском градоначальнике Рейнботе, очень гордившемся своими Горками, зазвенел радостный детский голосок:

— Папа, скорей сюда, дядя Володя здесь, я его нашел!

Под огромной толстенной старой елью показался улыбающийся мальчик в синем с белыми полосками свитере, схватил отца за руку и потащил его в заросли.

— Здравствуйте, мои дорогие! — сказал, поднявшись с притоптанного изумрудного ложа, Владимир Ильич, поправил френч и зашагал навстречу брату и племяннику. Он обнял мальчика, сделал крутое движение, словно хотел поднять его над головой, но остановился и прижал его к себе, свободной рукой шаря по карманам — в поисках гостинца.

— Не рано ли вздумал на траву ложиться? — с оттенком укора в голосе спросил брата Дмитрий Ильич. — Медицина считает это в твоём случае противопоказанным.

— Нет, не рано, нынче май — теплый-претеплый, — возразил Владимир Ильич. — По-моему, я здоров, а медицина с ее противопоказаниями свирепствует...

— Так уж и свирепствует? — улыбнулся доктор Ульянов, внимательно глядя на брата любящими глазами.

— В возрастающей прогрессии! Ну посуди сам: мне нельзя читать газеты, мне нельзя говорить о политике, читать разрешено только небольшие рассказы с приключениями...

— А играть в шахматы можно? — спросил Дмитрий Ильич.

— Наистрожайше запрещено! Я полагал, что шахматы это отдых, но милый доктор Розанов доказывает, что напротив — тягчайшая нагрузка для мозга и всей нервной системы у лиц напряженного умственного труда.

— Ну, а задачи и этюды решать можно, или хотя бы смотреть? — продолжал расспросы Дмитрий Ильич.

— Вот этого мои эскулапы не предусмотрели — они, должно быть, и не подозревают, что в шахматах имеются какие-то задачи, этюды, шутки, скахографии и тому подобное. На сие запрет наложен не был.

— Если хочешь, я могу тебе кое-что показать, а ты попробуешь решить — когда-то ты решал задачи даже вслепую, по диаграммам...

— Припоминаю: твою задачку из «Нивы» за минуту по диаграмме решил! Витенька, в угловой комнате во флигеле наверху за полкой с книгами я на всякий случай припрятал шахматы, там же на столе — мои очки — помнишь у дедушки Крылова: «Мартышка к старости слаба глазами стала», — прошу тебя, принеси и то и другое, да осторожно — не рассыпь фигур...

Мальчик помчался во всю прыть, радуясь, что ему доверены столь важные предметы, как шахматы и очки дяди Володи.

Братья рука об руку медленно прогуливались по старой липовой аллее. Вскоре вдаль показалась маленькая фигурка.

— Все в целости, — тоном взрослого сказал Витя.

— Очень благодарен тебе, — ласково заметил Ильич, — ты избавил меня от необходимости подниматься наверх. А теперь чем ты займешься — из песка кораблики строить, на это, я знаю, ты превеликий мастерище, — или хочешь наблюдать, как папа станет мне шахматы показывать?

— Лучше наблюдать, — серьезно сказал Витя и пригнулся рядом с дядей на скамеечке под липами; напротив сел отец и стал пересчитывать фигуры.

— Все в порядке, — сказал он, — чем же мы займемся? этюдами или задачами?

— По правде сказать, — пояснил Ильич, — я предпочитаю этюды, они — ближе к игре, — но именно поэтому нам лучше будет заняться задачами: решать этюд — все равно, что сражаться против идеального противника, а мне играть запрещено вашими собратями — и категорически!

— Задачи так задачи, — согласился Дмитрий Ильич. — Тряхнем старинкой!

Ленин надел было очки, снял их, тщательно протер стекла и начал приправлять к носу и ушам.

Дмитрий Ильич наставил на доске фигуры и только

В. И. Ленин с племянником Виктором в Горках

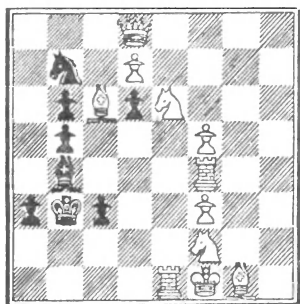
стал объявлять задание: «Мат в четырнад...» как Ильич, весело рассмеявшись, перебил его:

— Вот спасибо! Удружил, можно сказать! «Бегство Наполеона из Москвы в Париж!» Мне эту штучку отец показывал, когда ты еще пешком под стол ходил! Витенька, ты будешь ведать фигурами и выдавать их папе по мере надобности, ладно?

Витя очень обрадовался, получив в свое распоряжение столько шахмат, глазенки его засверкали, а Владимир Ильич, вздохнув, сказал брату:

— Вот так и ты в детстве собирал вышедшие из игры фигуры, когда я играл с отцом или с Сашей...

Дмитрий Ильич расставил на доске позицию.

— И ты вздумал показывать «Весы царского правосудия», этот шедевр скахографических задач Шумова*, мне — старому юристу! — воскликнул Владимир Ильич, от души смеясь. — Да ведь мы еще с Андреем Николаевичем Хардиным во времена самарские восторгались рисунком расположения фигур и стихами Шумова к этой задаче... Помнишь

ли ты его остро сатирические строки по поводу царского правосудия?

— Нет, не помню, — признался Дмитрий Ильич.

— Ну, так слушай, а если собою — не ругай — очень уж давно все это было...

Была пора, когда у нас
Судейские весы стояли не на месте,
При случае удобном всякий раз
С душой судьи кривились вместе
И прямо шли с законами в разлад.
Звучала песнь одна в решеньях смелых:
«Кто с весом, тот не виноват».
Так черным присужден в три хода мат
За то, что тянут меньше белых.

— Ну и память у тебя, Володя! — восхитился Дмитрий Ильич.

Ленин рассеянно поглядел в сторону — он не любил, когда его хвалили.

— Покажи что-нибудь посвежее, — попросил он.

— Коли так, покажу тебе несколько задач прекрасного шахматного составителя Галицкого — его-то ты, наверное, не знаешь, я сам только недавно кое-что разыскал в журналах.

* Решение: I 1. Ke6-d4+Kpb3-c4 2. Фd8-g8+Kpc-c5 3. Фg8-d5 мат;

II 1. ...Kpb3-a4 2. Сс6:b5+ Кра4-a5 3. Фd8-a8 мат;

III 1. ...Kpb3-a2 2. Сс6-d5+ Кра2-b2 3. Kf2-d3 мат;

IV 1. ...Kpb3-b2 2. Kf2-d3+ Kpb2-a2 3. Сс6-d5 мат.

— Задач Галицкого я действительно не припомню,— сказал Владимир Ильич,— а вот фамилия мне знакома... Галицкий, Александр Галицкий... Он — врач?— вдруг спросил он брата.

— Да, врач, ты его знаешь?— удивился Дмитрий Ильич.

— Вспомнил далекую юность. В те несколько месяцев, когда я имел честь состоять студентом Казанского университета, мне пришлось однажды проиграть партию Александру Галицкому, студенту последнего курса медицинского факультета, которого я знал не только как шахматиста, но и как неплохого рисовальщика, любителя музыки, человека бойкого пера, подающего надежды и в области медицины...

— Да, это был прекрасный врач и человек,— сказал Дмитрий Ильич.— После революции он служил врачом в рабочей амбулатории в Саратове. С полгода назад он умер... Раз ты его задач не знаешь, я приступаю к делу.

И Дмитрий Ильич начал одну за другой расставлять на доске позиции задач.

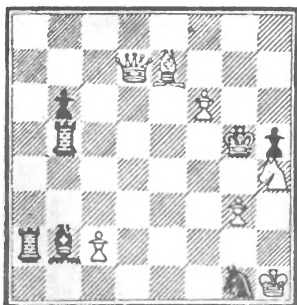
Первую задачу Ильич решил молниеносно, только взглянув на нее: 1. Се7— а3!

— Весьма остроумно,— заметил он.— Пойдем дальше.

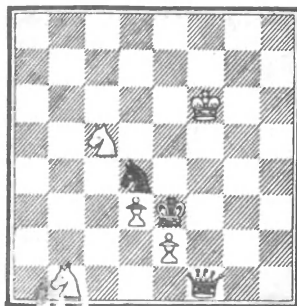
Дмитрий Ильич расставил на доске следующую позицию.

— Эта будет посложней,— заметил он.

Ильич пошел было конем на а3, но сейчас же заметил, что попался на ложный след: после правильного ответа — 1. ...Кb3! коня брать нельзя из-за пата, а ведь казалось, что все в порядке: 1. ...Крd 2. Ке4+Кре3 3. Кс4Х; по-

1. Мат в два хода

2. Мат в три хода

думав минут пять, Ильич нашел решение, которое ему очень понравилось: 1. Ка6! К : е2 2. Кb4! Kpd4 3. Фd 2×; 2... К куда-нибудь 3. Кс2×; 2... К обратно на d4 3. Кd5×; если черные не станут брать пешки конем на первом ходу, а пойдут им по-другому, то белые объявляют мат ферзем.

На третью задачу Галицкого Владимир Ильич потратил времени побольше:

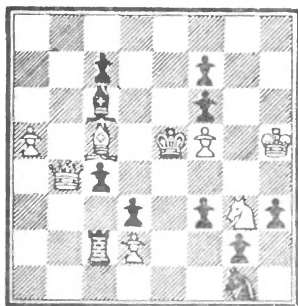
1. Са7! угрожал объявить шах ферзем на е7 и дать им же на следующем ходу мат; если черный король отступит на f4, то эффектной жертвой ферзя на b6 белые принудят черных вскрыть линию и объявят мат слоном на b8. В связи с решением Ленин заметил, что жертва ферзя хороша, но несколько грубовата, и что он предпочитает жертвам тонкие маневры.

— Постараюсь вспомнить задачи Галицкого, построенные на маневрах,— согласился Дмитрий Ильич, представляя новую позицию.

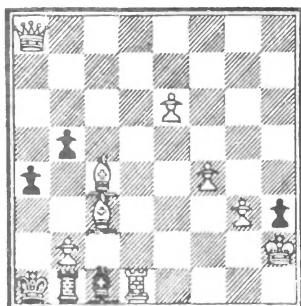
Четвертую задачу Ильич решил быстрее, чем предыдущую: 1. Сh8! С : b2 2. Лh1! и теперь берут ли черные ладью ладьей, слона ли слоном, белый ферзь бьет ту или другую черную фигуру и объявляет мат.

— А вот эта задача будет последней,— сказал Дмитрий Ильич, заметив своим опытным глазом врача, что брат устал.

— Это мы еще посмотрим,— задорно возразил Ленин,— неужели и ты, Митя, присоединишься к моим гонителям из мира медицины, с которой у меня издавна были нелады?!

3. Мат в три хода

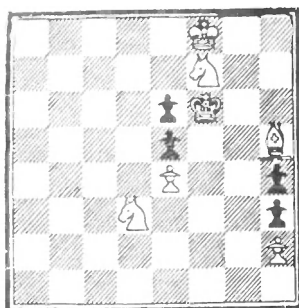

4. Мат в три хода

— На этот раз я предложу тебе решить четырехходовку с любимым у Галицкого соотношением сил — у белых всего лишь два коня и слон. Вон она.

Над решением четырехходовки Галицкого Ильичу пришлось подумать: он не раз возвращался к начальному положению и начинал поиски сызнова, пока не уяснил себе, что к цели ведет весьма хитрый замаскированный маневр слона: 1. Сd1! Кpg6 2. Сс2! Кph7 или f6 3. Кf4! и после того, как черные вынуждены принять жертву коня, белые продвижением пешки на d5 объявляют долгожданный мат.

5. Мат в четыре хода

— Вот это маневр в моем вкусе да и в духе нашего времени — отступить, чтобы победить! — заметил Ильич.

— Конкурс решений окончен, — сказал улыбаясь Дмитрий Ильич. — Дядя Володя, вы вышли победителем, решив все задачи без исключения. Вам присуждается приз — требуйте что хотите...

— Я хочу, чтобы мне была показана еще одна задача с количеством фигур не более четырех и обязательно с интересным содержанием.

— Но у Галицкого я не могу припомнить задач со столь ограниченным материалом...

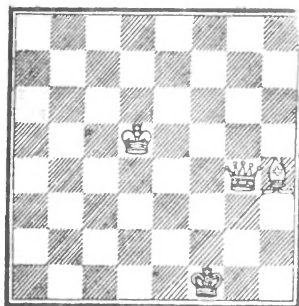
— Не обязательно Галицкого, — я уже имею некоторое представление о его интересном творчестве, — покажи задачу кого-нибудь другого.

— Мне запомнилась одна задача с угодным тебе минимальным количеством фигур: у белых — король, ферзь и слон, у черных — только король, но я позабыл, кто автор*... Вот, взгляни.

— В начальном положении черный король находится в пату, — заметил Ильич, — нужно дать ему отдушину...

---

* Задача американского проблемиста Отто Вюрцбурга.

Мат в два хода

Найдя решение, Ильич пришел в восторг; давненько не видел Витя своего любимого дядю в столь прекрасном расположении духа: 1. Фg7!! Крe2 2. Фd4! — эти тихие ходы белого ферзя особенно понравились Ленину. Пойдет ли теперь король на f3 — последует мат ферзем на e4; отступит ли на f1 — получит мат ферзем на f2...

— Скажи, друг мой, — лукаво улыбаясь, обратился Вла-

димир Ильич к брату: — не специально ли ты подобрал для меня все эти задачи?

— В каком смысле — специально? — удивился Дмитрий Ильич, — я держу в памяти изрядный запас их...

— Видишь ли, во всех показанных тобою задачах я уловил нечто общее: в той или иной форме белые отступали, чтобы победить, поэтому я и пошутил о духе нашего времени: ведь мы находимся в положении людей, которые все еще вынуждены отступать, чтобы в дальнейшем перейти наконец в наступление. Мне, да и, надеюсь, всем нам ясно, что тот, кто научился наступать и не научился при известных тяжелых условиях, применяясь к ним, отступать, тот войны не окончит победоносно, — ты ведь помнишь, не так давно я развил это положение на седьмой московской губпартконференции. А сегодня ты меня потешил задачами, в которых подобные мысли были выражены своеобразным шахматным языком, самым интернациональным в широком смысле слова. И я от всего сердца благодарю тебя и Витюнчика тоже — он ведь замечательно распорядился доверенными ему шахматными фигурами...

То, о чем здесь рассказано, произошло 25 мая 1922 года — это была последняя встреча Владимира Ильича с шахматами...

ОТ АВТОРА

Владимир Ильич Ленин — вождь величайшей социальной революции, открывшей новую эру в истории человечества, — всеми сторонами своей неисчерпаемой деятельности неизмеримо обогатил человечество и открыл перед ним захватывающие дух перспективы.

В жизни и деятельности В. И. Ленина для нас все существенно, все представляет исключительный интерес, все может служить примером и образцом — и годы напряженной работы, и редкие минуты отдыха, в которые он порою обращался и к шахматам.

В. И. Ленин умел трудиться как никто другой...

Вместе с тем он умел отдыхать! Туристские экскурсии, разнообразные игры, охота, спорт, пение, театр, шахматы — всему этому в немногие часы досуга в целях отдыха от титанического умственного труда уделял внимание Владимир Ильич.

Сборник рассказов «Шахматы из березовой коры» построен на фактическом материале — работах и письмах В. И. Ленина и Н. К. Крупской, воспоминаниях родных и современников. Однако жанр рассказа допускает известные творческие вольности, и творческая фантазия автора использовала в какой-то мере свои права и возможности: шахматный материал, за исключением документально известных композиций, частью приписан, частью присочинен, сгущены факты и события, допущены хронологические сдвиги, мемуарный свод беллетризирован, характеры персонажей очерчены свободно, некоторые действующие лица вымышленны...

Автор стремился показать не только в сюжетах, но и в самом построении книги, что интерес к шахматам занимает в жизни и деятельности В. И. Ленина лишь самое скромное место и убывает, сходит на нет по мере того, как великий вождь все шире и полнее обращается к живому революционному творчеству.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Игра, а не дело	7
Первый учитель	11
Тронута — схожено!	14
Железная клетка Тамерлана	18
«Игра, а не дело»	23
Шахматист Хардин	29
«Кругосветка»	29
 Не бывала я партия	
Шахматы из березовой коры	42
Сражение в Минусах	48
Поражение «Антанты»	53
Тайна шахматного столика	59
Небывалая партия	62
Шахматы и охота	68
 К р а с и в а я ш т у ч к а	
На Капри	73
Незадачливая задача	80
Красивая штучка	84
Легенда о Пилате	90
 О т ш а х м а т п е р е й д я к в р а г у	
От шахмат перейдя к врагу	98
Отступить, чтобы победить!	103
 О т а в т о р а	111

Редактор *Л. Золотова*. Художник *Ю. Сапожников*
 Худож. редактор *Э. Полякова*. Техредактор *П. Вальчук*.
 Корректор *В. Казачице*.

Сдано в производство 7/XII-59 г. Издат. № 44. Подписано к печати 9/II-60 г.
 УГО1791. Бумага 84×108¹/₃₂=4,25 п. л.—7,07 усл. п. л. (Уч.-изд. 6,14 л.).
 Тираж 20000 экз. Цена 1 руб. 85 коп.

Алма-Ата, Полиграфкомбинат Главиздата Министерства культуры КазССР.
 Заказ № 2401.

1 р. 85 к.